

СОЧИНЕНІЯ

Дванадцатріева

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Bo
2-53

1803.

Д. В. КОКОРЕВА

ИЗ КНИЖИ

СОЧИНЕНІЯ

Дванадцатріева

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Bo
2-53

1803.

ИЗДАТЕЛЬ

А. В. КОКОРЕВА

P.O. russ. 144 d
1-3

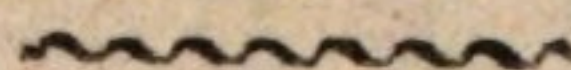
1
142
Fg 188 / 50318

СОЧИНЕНІЯ и ПЕРЕВОДЫ

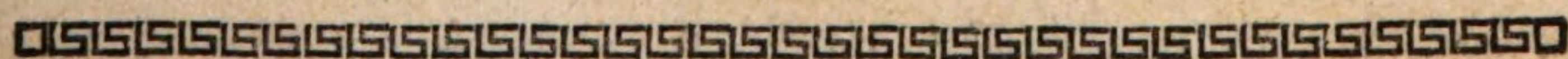
И. Д.

Il veut le souvenir de ceux qu'il a chéri.

Ч А С Т Ъ П Е Р В А Я.

Издѣвненіемъ М. Глазунова.

М О С К В А ,

Въ Типографіи Платона Бекетова.

1803.

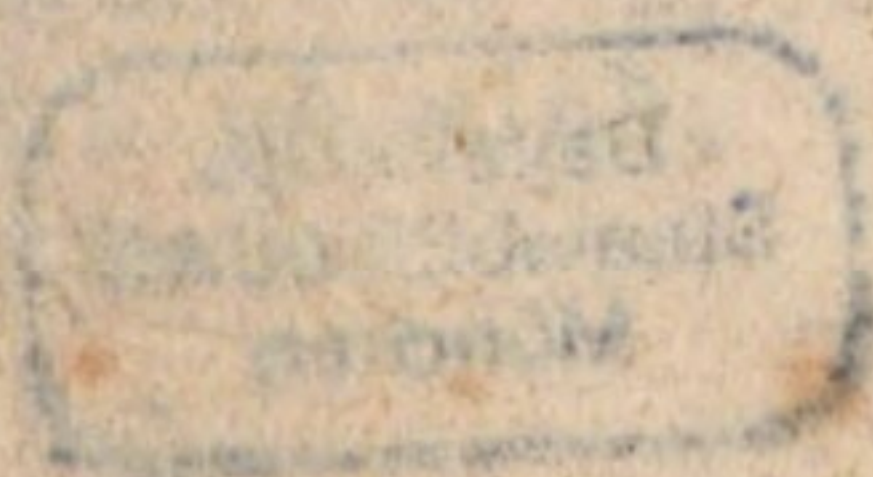

~~~~~  
Съ дозволенія Московскаго Гражданскаго  
Губернатора.  
~~~~~

78 / 88 / 50318

СОЧИНЕНІЯ и ПЕРЕВОДЫ

И. Д.

Ч А С Т Ъ П Е Р В А Я.

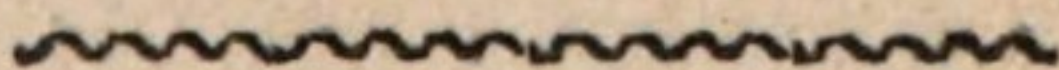
COPIENRECHT "REPERIODI"

FACT. P. H. B. P. V. R.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

КЪ ВОЛГѢ.

Конецъ благополучну бѣгу!
Спускайте, други, паруса!
А ты, принесшая ко берегу,
О Волга! рѣкѣ, озерѣ краса,
Глава, царица, честь и слава!
О Волга пышна, величава!
Проси! . . . но прежде удостой
Склонишь свое вниманье къ лирѣ
Пѣвца, незнаемаго въ мірѣ,
Но воспоеннаго тобой.

Исполнены мои обѣты ;
 Свершилось то, чего желалъ
 Еще въ младенческія лѣты,
 Когда я руки проспиралъ
 Къ тебѣ изъ отческія кущи,
 Взирая на суда бѣгущи
 На быстрыхъ, бѣлыхъ парусахъ.
 Свершилось, и блажу судьбину !
 Великолѣпну зрѣлъ картину ! —
 И я былъ на швоихъ волнахъ.

То нѣжнымъ вѣтеркомъ лобзаемъ,
 То ревомъ бури и валовъ
 Подъ черной пучей оглушаемъ
 И опзывомъ швоихъ береговъ,
 Я плылъ, скакалъ, лешѣлъ стрѣлою —
 Тамъ видѣлъ горы надъ собою,
 И спрашивалъ, который вѣкъ
 Заспалъ ихъ въ молодости сущихъ ;
 Здѣсь мимо городовъ цвѣтущихъ
 И дикихъ пустыней я шекъ.

Тамъ веси, нивы благодѣшны,
 Стада и кущи рыбарей,
 Цвѣшны и правы аромашны,
 Распуши средъ швоихъ зыбей,
 Влекли попеременно взоры;
 А тамъ сиренъ пернатыхъ хоры,
 Подъ шѣнь кусточковъ уклонясь,
 Проспранство пѣньемъ оглашали —
 И два сайгака имъ внимали
 Съ крутыхъ стремнинъ не шевелясь.

Тамъ кормчій руку простирая
 Чрезъ лѣсъ дремучій на курганъ,
 Вѣщалъ спутниковъ сзывая:
 “Здѣсь Разиновъ былъ, други, станъ!”
 Вѣщалъ, и въ думу погрузился;
 Холодный потъ по немъ разлился,
 И перстъ на воздухъ дрожалъ;
 А швой пѣвецъ въ сіи мгновенья,
 На крыліяхъ воображенья,
 Въ пропекшихъ временахъ леталъ.

Леталъ, и будто сквозь тумана
 Я видѣлъ швой веселый шокъ
 Подъ ратью грозна Іоанна,
 И видѣлъ Астрахани рокъ.
 Вотще Ордынцы безопрадны
 Бѣгутъ на холмы виноградны
 И сыплютъ стрѣлы по судамъ:
 Безспрашный Россъ на брегъ ступаетъ —
 И гордо царство упадетъ
 Со шрепешомъ къ его стопамъ.

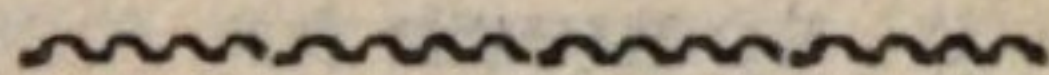
Я слышалъ Каспія сѣдова
 Пророческій, громовый гласъ:
 “Спрашитель, Персы, рока злова!
 Идетъ, идетъ Царь силъ на васъ;
 Его и Югъ и Нордъ шрепешетъ;
 Онъ тысячами перуны мечетъ;
 Зашилъ луну и льва сразилъ . . .
 Внемлите шумъ: се Волжски волны
 Несутъ его, гордыни полны —
 Увы! Дербентъ! . . . идетъ Царь силъ!”

Прорекъ, и хлынули рѣками
 У Бога воды изъ очесъ;
 Вдругъ море вздулося буграми,
 И влажный Каспій въ нихъ исчезъ.
 О какъ ты Волга ликовала!
 Съ каимъ воспоргомъ поднимала
 Побѣдоноснаго Царя!
 Въ сію минуту предъ тобою,
 Казались малою рѣкою
 И Белѣ и Каспій, всѣ моря!

Но менѣль ты знамениша
 Въ благодареніяхъ своихъ!
 Почто безсиліе Піиша
 Начашый прерываешъ стихъ?
 О естлибъ вдохновенъ былъ Фебомъ,
 Тыбъ первою рѣкой подъ небомъ,
 Знашнѣйшей Гангеса была!
 Тыбъ славою своею зашмила
 Величіе Эфраша, Нила,
 И всю вселенну протекла.

ЛИРИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

ОСВОБОЖДЕНІЕ МОСКВЫ.

Примите, древнія дубравы,
Подъ тѣнь свою пиломца музъ!
Не шумны пѣть хочу забавы,
Не сладости Циперскихъ узъ:
Но да воззрю съ полей широкихъ
На красну, гордую Москву,
Сѣдяшу на холмахъ высокихъ,
И спящи вѣки воззову.

Въ какомъ ты блескъ нынѣ зрима,
Княженій, царствъ великихъ мать,
Москва! Россіи дочь любима!
Гдѣ равную тебѣ сыскашь?
Вѣнецъ пивой перлами украшенъ,
Алмазный скиптръ въ твоихъ рукахъ;
Верхи твоихъ огромныхъ башенъ
Сіяютъ въ златѣ какъ въ лучахъ;
Отъ Норда, Юга и Воспока,
Отвсюду быстрой пошюка
Къ тебѣ сокровища текутъ;
Сыны твои, любимцы славы,
Красивы, храбры, величавы,
А дѣвы розами цвѣтутъ.

Но нѣкогда и ты спенала
Подъ бременемъ различныхъ золъ:
Едва корону удержала
И твой клонившійся престолъ;

И ты съ лица земнаго круга
 Едва не скрылась отъ очесъ!
 Сарматъ просперъ къ тебѣ длань друга,
 И остро копіе вознесъ!
 Вознесъ — и храмы воспылали,
 На двѣхъ цѣпи зазвучали
 И кровь ихъ братьевъ пошекла —
 “Я гибну, гибну! ты рекла,
 Вращая устрашенно око:
 Спасай меня, о Геній мой!” —
 Увы! молчанье вкругъ глубоко,
 И мечъ висящій надъ главой!

Гдѣ ты, Славяновъ храбрыхъ сила?
 Проснись, возстань Россійска мочь!
 Москва въ плѣну, Москва уныла
 Какъ мрачная осенняя ночь. —
 Возспала, — все восколебалось:
 И Князь, и ратай, старъ и младъ,
 Все въ крѣпкую броню ополчалось;
 Перуномъ возблиспалъ булатъ!
 Но кто изъ тысячъ видимъ мною,
 Въ сѣдинахъ бодръ и сановитъ?
 Онъ долженъ быть вождемъ, главою —
 Пожарской то, Россіи щипъ!
 Воспоргъ, воспоргъ я ощущаю,
 Пылаю духомъ и лечу!
 Гдѣ лира? смѣло начинаю;
 Я подвигъ предка пѣть хочу.

Уже гремятъ въ поляхъ кольчуги,
 Далече пыль вспаешъ столпомъ;
 Идутъ Россіи вѣрны слуги;
 Несетъ ихъ вождь Пожарскій громъ.

Ошѣ кликовѣ рапи воютѣ роци,
 дремавши въ мерпвой пишинѣ.
 Свѣпило дня и звѣзды ноци
 Героя видяшѣ на конѣ;
 Лешинѣ, и взоромѣ лучь опрады
 Въ сердца унывшія ліешѣ;
 Лешинѣ какѣ вихрь, и движешѣ грады
 И веси за собою въ слѣдѣ.

Ошкуда шумѣ? приникши ухомѣ
 Рекѣ воинѣ, въ думу погруженѣ.
 Взглянулѣ, и блѣденѣ, съ робкимѣ духомѣ
 Бросается съ Кремлевскихѣ стѣнѣ:
 “Кѣ щипамѣ, кѣ щипамѣ, гласинѣ, Сарматы!
 Погибель намѣ минуша прашы;
 Я видѣлѣ войско сопосшашѣ:
 Какѣ змій хребешѣ свой изгибаетѣ —
 Главой уже коснулось врашѣ,
 Хвостомѣ все поле покрываешѣ.” —
 Вдругѣ спогны рашными сперлись,
 Мяшущся, спроющся, дѣлящся,
 У врашѣ, бойницѣ, вкругѣ стѣнѣ толпящся;
 Другіе вихремѣ понесли
 Славянамѣ и громамѣ на встрѣчу.

И се зрю зарево кругомѣ,
 Въ дыму и въ пламѣ спрашну сѣчу!
 Со звономѣ сшибся щипѣ съ щипомѣ:
 И разомѣ сильного не спало!
 Ядро во мракѣ зажужжало,
 И цѣлый рядѣ безспрашныхѣ палѣ!
 Тамѣ вождѣ добычею Эревѣ;
 Здѣсь бурный конѣ съ копьемѣ во чревѣ
 Вскочивши на дыбы заржалѣ,

И навзничь грянулся на землю,
Покрывши всадника собой;
Опвсюду трескъ и громы внемлю,
Глушащи скрежешъ, стонъ и вой.

Пируешъ смерть, и ужасъ мечешъ
Во градъ, и въ долы, и въ лѣса!
Тамъ дѣва юная пренецешъ;
Тамъ старецъ смонришъ въ небеса
И къ хладну сердцу выю клонишъ;
Тамъ пушника страхъ въ дебри гонишъ;
И ты, о пуженикъ свяшый!
Живымъ погребшійся въ могилъ
Еще вспомнилъ міръ земный
При блѣдномъ дней твоихъ свѣтилъ;
Вспомнилъ горестъ, и слезой
Ланиту блѣдну орошаешъ
И къ Богу, сущему съ тобой,
Дрожащи руки проспираешъ!

Три крапы день возсіявалъ,
Три крапы ночь его смѣняла,
Но бой еще не пресшавалъ,
И смерть руки не упомляла;
Еще Пожарской мечешъ громъ;
Вездѣ лѣшаешъ онъ орломъ;
Тамъ гонишъ, здѣсь разишъ, караетъ,
Ударъ ударомъ умножаетъ,
Колебля мощь Литовскихъ силъ.
Сторукой исполинъ трясется:
Падешъ, издохъ! — и вопль несется:
“Ура! Пожарской побѣдилъ!”
И въ градъ опдалось спокрашно:
“Ура! Москву Пожарской спасъ!”

О утро памятно, пріятно!
 О вѣчно незабвенный часъ!
 Кто дася мнѣ кисть животворящу,
 Да радость напишу горящу
 У всѣхъ на лицахъ и въ сердцахъ;
 Да яркой изразу чершою
 Народъ воскресшій на стѣнахъ,
 На кровяхъ, — и съ высотъ къ герою
 Вѣнки лѣпящи на главу;
 Сигкликъ побѣдну пѣснь поющій,
 Съ хоругви въ сраженіе идущій,
 И въ пальмахъ свѣтлую Москву! . . .

Но гдѣ герой, куда сокрылся?
 Гдѣ сонмъ и Князей и Бояръ?
 Откуда звучный кликъ пустился?
 Не царстволь онъ пріемлетъ въ даръ?
 О! что я вижу? побѣдитель,
 Москвы, ошечества спаситель,
 Забывши древность, подвигъ дня
 И вокругъ его гремящу славу,
 Вручаетъ юношѣ державу. —
 Предъ нимъ колѣно преклоня!
 “Ты кровь Царей, вѣщаль Пожарской:
 Отецъ твой въ узахъ у враговъ;
 Прими вѣнецъ и скипетръ Царской;
 Будь Рускихъ радость и покровъ!”

А ты, Герой, пребудешь вѣки
 Ихъ честью, славой, образцомъ!
 Гдѣ горы небо пруть челомъ,
 Тамъ шумныя помчатся рѣки;
 Изъ благовѣстій выйдешь лѣсъ;
 Въ степяхъ возникнутъ верхограды;

Родятся и исчезнутъ грады;
 Нашура новыхъ пьму чудесъ
 Откроетъ взору изумленну;
 Освѣтитъ новый лучъ вселенну: —
 И воинъ отъ твоей крови,
 Тебя вспомнитъ, возгордится,
 И паче, паче утвердится
 Въ прямой къ отечеству любви!

Е Р М А К Ъ.

А.В. КОЖА

Какое зрѣлище предъ очи
Представила ты, древность, мнѣ?
Подъ ризою угрюмой ночи,
При блѣдной въ облакахъ лунѣ,
Я зрю Иртышъ: крушитъ, сверкаетъ,
Шумитъ, и пѣной подмываетъ
Высокой берегъ и крутой;
На немъ два мужа изнуренны,
Какъ тѣни въ адѣ заключенны,
Сидятъ, склонясь на длань главой;
Единый младъ, другій съ брадой
Сѣдою и до чреслъ висящей;
На каждомъ вижу я нарядъ
Во ужасъ сердце приводящей!
Съ булатныхъ шлемовъ ихъ висятъ
Со всѣхъ сторонъ хвосты змѣины
И вѣютъ крылія совины;
Одежда изъ звѣриныхъ кожъ;
Вся грудь обвѣшена ремнями,
Желѣзомъ ржавымъ и кремнями;
На поясъ широкій ножъ,
У стопъ же два лежатъ шимпана
И два повержены копья.—
То два Сибирскіе Шамана,
И ихъ слова внимаю я.

С т а р е ц ъ.

“Шуми, Иртышъ! реви ты съ нами,
И впоръ плачевнымъ голосамъ!
На вѣкъ опвержены богами!
О горе намъ!

М л а д ы й.

О горе намъ!
О страшная для насъ невзгода!

С т а р е ц ъ.

О ты, которыя вѣнецъ
Поддерживали три народа, *
Гремѣвши міра по конецъ!
О сильна, древняя держава!
О мать нѣсколькихъ племенъ!
Прошла твоя, исчезла слава!
Сибирь! и ты познала плѣнъ!

М л а д ы й.

Твои народы разпоченны
Какъ вихремъ возмятенный прахъ;
И самъ Кучумъ **, гроза вселенны,
Твой Царь погибъ въ чужихъ пескахъ!

С т а р е ц ъ.

Священные твои Шаманы
Скишаются въ глуши лѣсовъ . . .
На то ль судили вы, Шайтаны! ***
Доспигнуть бѣлыхъ мнѣ власовъ,

* Татары, Остяки и Еогуличи.

** Кучумъ изъ царства своего ушелъ къ Калмыкамъ,
и убить ими.

*** Такъ назывались Сибирскіе кумиры.

Чтобъ я, столбшній вашъ служитель,
Стеналъ и въ прахъ, бывши зритель
Паденья тысячъ вашихъ чадъ?

М л а д ы й.

И отъ когожъ, о боги, пали?

С т а р е ц ъ.

Отъ горсти Рускихъ!... моръ и гладъ!
Почто Сибирь вы не пожрали?
Ахъ, лучшебъ прусъ, пошопъ, иль громъ
Всемощны на нее послали,
Чѣмъ бышь попоранной Ермакомъ!

М л а д ы й.

Бичемъ и ужасомъ природы!
Кляните вы его всякъ часъ
Сибирски горы, холмы, воды:
Онъ вѣчный мракъ простеръ на васъ!

С т а р е ц ъ.

Онъ шелъ какъ столпъ огнемъ палящій,
Какъ люшый мракъ, все вокругъ мертващій:
Куда спрѣлу ни посылалъ,
Повсюду жизнь предъ ней блѣднѣла
И страшна смерть во слѣдъ летѣла!

М л а д ы й.

И Царскій братъ предъ нимъ упалъ.

С т а р е ц ъ.

Я зрѣлъ съ нимъ бой Мегмета-Кула,*
 Сибирскихъ странъ богатыря;
 Разсыпавъ стрѣлы всѣ изъ шула
 И вящимъ жаромъ возгоря,
 Извлекъ онъ саблю смертоносну:
 Дай лучше смерть, чѣмъ жизнь поносну
 Влачишь мнѣ въ плѣнѣ! онъ сказалъ. —
 И въ мигъ на Ермака напалъ.
 Ужасный видъ! они сразились;
 Ихъ сабли молніей блестящъ,
 Удары тяжкіе шворащъ,
 И обѣ разомъ сокрушились.
 Они въ ручной вступили бой:
 Грудь съ грудью и рука съ рукой,
 Ошъ вопля ихъ дубравы воютъ;
 Они стопами землю роютъ;
 Уже съ нихъ сыплетъ потъ какъ градъ;
 Уже въ нихъ сердце страшно бьется
 И ребра обоихъ трещатъ.
 То сей, то оный на бокъ гнется,
 Крутящся, и . . . Ермакъ сломилъ.
 Ты мой шеперь! онъ возопилъ:
 И все огньи мнѣ подвластно!

М л а д ы й.

Сбылось пророчество ужасно!
 Плѣнилъ, попралъ Сибирь Ермакъ! . . .

* Царскій братъ, котораго Ермакъ плѣнилъ и отослалъ къ Царю Іоанну Васильевичу; отъ него произошли Князья Сибирскіе.

Но что ! ужели стонъ сердечный
Гонимыхъ будетъ. . . .

С т а р е ц ъ.

Вѣчный ! вѣчный !

Внемли мой сынъ : вчера во мракъ
Глухихъ лѣсовъ я углубился,
И тамо съ пламенной душой
Надъ жертвою богамъ молился ;
Вдругъ вѣтръ возспалъ и поднялъ вой !
Съ деревьевъ листья полетѣли ;
Столѣтні дубы заскрипѣли,
И вихрь закланыхъ сернъ унесъ ! —
Я палъ, и слышу гласъ съ небесъ ;
“Неукрошимъ, ужасенъ *Рага*, *
Когда казнишь вселенну онъ :
Сибирь, опвергша мой законъ !
Пребудь во вѣкъ стоная, плача
Рабыней *блага Царя* !
Да свѣшлая тебя заря
И черна ночь въ цѣпяхъ застанетъ !
А слава грозна Ермака
И чадъ его да вѣкъ не вянетъ :
И будетъ подъ луной громка ! —
Умолкнулъ гласъ, и громъ прикратно
Прошекъ по бурнымъ небесамъ ;
Увы ! погибли невозвратно !
О горе намъ !

* Главной Остяцкой идолю. Кугуль родившійся въ
Магометанской вѣрѣ, частію уговорилъ, частію же
принудилъ большую половину Сибири вѣрить
Алкорану.

М л а д ы й.

О горе намъ! —

Потомъ съ глубокимъ сердца вздохомъ,
Возставъ съ камней обросшихъ мохомъ,
И снявъ орудія съ земли,
Они вдоль берега потекли
И вскорѣ скрылися въ туманѣ. —
Миръ праху твоему, Ермакъ!
Да увѣнчаютъ Россіяне
Изъ злата вылитый твой зракъ —
Изъ ребръ Сибири източенна
Твоимъ булашнымъ копіемъ!
Но что я рекъ, о тѣнь забвенна!
Что рекъ въ усердіи моемъ?
Гдѣ обелискъ твой? мы не знаемъ,
Гдѣ даже прахъ твой былъ зарытъ.
Увы! онъ вепремъ попираемъ,
Или Оспякъ по немъ бѣжитъ
За ланью быстрой и рогатой,
Прицѣлясь къ ней стрѣлой пернатой.

Но будь утѣшенъ ты, Герой!
Парящій стихотворства Геній
Всякъ день съ Аворою златой,
Въ часы божественныхъ явленій,
Надъ прахомъ плаваетъ твоимъ
И сладку пѣснь гласитъ надъ нимъ:

“Великій! гдѣбъ ты ни родился,
Хотя бы въ варварскихъ вѣкахъ
Твой подвигъ жизни совершился;
Хотябъ исчезъ твой самый прахъ,
Хотябъ сыны твои, потомки,
Забывъ дѣянья предка громки,
Скипались въ дебряхъ и лѣсахъ,

И жили съ алчными волками:
Но ты, великій человекъ!
Пойдешь въ ряду съ полубогами
Изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ,
И славы лучъ швоей зашмишся,
Когда померкнетъ солнца свѣтъъ,
Со трескомъ небо развалится,
И время на косу падетъ.“

СМЕРТЬ КНЯЗЯ ПОТЕМКИНА.

Уныль внезапно лавръ зеленый,
Уныль, и долу преклоненъ! —
Возстани свѣще вдохновенный,
Возстани Бардъ, сынъ всѣхъ временъ!
Бери обвѣщу крепомъ лиру;
Гласи на ней, повѣдай міру
Печаль чувствительныхъ сердецъ:
Спонъ воиновъ непобѣдимыхъ,
Въ слезахъ днесъ на профетяхъ зримыхъ,
Гласи . . . Пошлемкина конецъ!

О коль ужасную картину
Печальный Геній мнѣ открылъ!
Безмолвну вижу я долину;
Не слышу помаванья крылъ
Ни здѣсь, ни тамъ любимца Флоры;
Все помно, что ни встрѣшатъ взоры:
Поникнулъ злакъ, ручей молчитъ
И потъ, кого весь Югъ спрашится,
Увы! простертъ на холмъ зрится,
Простертъ, главу склоня на щитъ!

Герой геройски умираетъ
Въ виду поправныхъ имъ градовъ,
И духъ свой небу возвращаетъ
Средь ратниковъ, своихъ сыновъ!
Почилъ, и вопль вокругъ раздался,
И шумный гласъ молвы помчался

Вливать въ сердца печаль и страхъ.
Синилъ *, Бендеры изумленны,
Героевъ слыша вопль плачевный
Въ поверженныхъ опъ нихъ смѣнахъ ;

Очаковъ гордый и подъ прахомъ
Чудится, и сомнѣнья полнъ,
Чтобъ тотъ, кто былъ дракону страхомъ
Въ степяхъ, вершепахъ, среди волнъ ;
Кто рану далъ ему глубоку,
Былъ общему подвласпенъ року !
И черный Понтъ надувъ хребетъ,
Валитъ, реветъ во слухъ Селиму,
Объяту думой, нерѣшиму :
Воспрянь ! уже Перуна нѣтъ ! . . .

Но чьи тамъ слышу томны лиры
Съ Днепровыхъ зланныхъ береговъ ?
Чей сладкій гласъ несупъ Зефиры ?
То гласъ не смертныхъ, но боговъ ;
То вопіютъ Херсонски музы :
“Увы ! разпорглись наши узы,
Любезный Князь ! на вѣкъ съ тобой !
Давноль бесѣдовалъ ты съ нами
И лиру изпещрялъ цвѣтами, **
Готовясь въ кровопитный бой ?

* Древнее названіе Измаила.

** К. Потемкинъ подъ стѣнами Очакова писалъ,
сказываютъ, стихи и переводилъ Церковную Исто-
рію Аббата Флѣри.

“Давноль Херсонъ любой украшенъ,
Цвѣтущъ на брегѣ быстрыхъ водъ,
Взиралъ съ своихъ высокихъ башенъ
На твой со славою приходъ?
Давноль тебя мы здѣсь вслрѣчали
И путь твой лавромъ устилали?
Давноль“ . . . и болѣ не могли:
Изъ рукъ цѣвницы покапились,
Главы къ колѣнамъ ихъ склонились,
Власы упали до земли.

Гдѣ, гдѣ не плачутъ и не стонутъ
Во мзду Иракловыхъ заслугъ?
Въ слезахъ тамъ родственники понутъ,
Тамъ, одолженныхъ спраждемъ духъ;
Тамъ подъ соломеннымъ покровомъ,
Зрю воина въ вѣнкѣ лавровомъ
Среди родимыя семьи:
Онъ жадно внемлющей супругѣ
Разсказываетъ, какъ на Югѣ
Князь подвиги творилъ свои.

Какъ въ полѣ бился съ сопостатомъ,
Какъ во стѣнахъ его каралъ,
Какъ кончилъ жизнь . . . шупъ бѣлымъ пла-
Текущи слезы утиралъ. (томъ
Слеза безцѣнная, священна!
Изъ сердца чиста извлеченна! —
О випій! чпо твоя хвала?
Но сею ль жертвою одною,
Воздашь, Россія, днесъ Герою,
Копорымъ славима была?

Нѣтъ! сынъ твой вѣчно будетъ громокъ:
 Пошемкина Геройскій ликъ
 Увидитъ поздный твой попомокъ,
 И возгласитъ: "онъ былъ великъ!"
 И вольный Грекъ забывъ желѣзы,
 Прольетъ предъ нимъ сердечны слезы;
 И самый Туркъ нахмура взоръ
 Сынамъ своимъ его покажетъ —
 Се бичъ нашъ былъ! вздохнувъ онъ скажетъ:—
 И музъ его прославитъ хоръ.

Г Л А С Ъ П А Т Р І О Т А

на взятіе Варшавы.

Гдѣ буйны, гордые Тишаны,
Смутившія Астрей дни?
Стремглавъ низверженны, попранны
Въ прахѣ, въ прахѣ! Рекла;... и гдѣ они?
Вопи союзница лукава,
Опнынѣ ставшая рабой:
“Изчезла Собіесковъ слава!”
Ходи съ поникшею главой;
Шатайся, рвись вокругъ селъ несчастныхъ,
Вкругъ древнихъ, гордыхъ, падшихъ стѣнъ,
Въ терзаньяхъ совѣсти ужасныхъ,
И вѣкъ оплакивай свой плѣнъ!

А ты, гремѣвшая со прона
Любимица самихъ боговъ,
Достойна гимновъ Аполлона!
Воззри на цвѣтѣ своихъ сыновъ;
Се вѣютъ шлемы ихъ пернаты,
Се ихъ бѣлѣютъ знамена;
Се ихъ покрыты пылью лапы,
На коихъ кровь еще видна;
Воззри: се идущъ въ ратномъ строѣ;
Всякъ истый въ сердцѣ Славянинъ!
Не Марсаль въ каждомъ зришь героѣ?
Не всякъ ли рока властелинъ?
Они къ стопамъ твоимъ бросаютъ
Лавровы, свѣжіе вѣнки;
“Твои они, твои! вѣщаютъ:
Съ тобой намъ рвы не глубоки;

Съ побою низки спрашны горы.
Скажи, скажи, о Машерь! намъ
Склоня величественны взоры,
Куда еще лѣтъ орламъ?“ —

Куда лѣтъ? кто днесъ возстанетъ
Всей Польши зря ужасну часъ?
Твой громъ вошче нигдѣ не грянетъ:
Страшна твоя, Царица, власть!
Страшна твоя и прозорливость
Врагу, злодѣю твоему!
Вездѣ найдетъ его спроптивость
Препонѣ неодолимыхъ тѣмъ;
Вездѣ обряцутся преграды:
Твои, какъ мѣдною стѣной,
Бойницами прикрыты грады,
И каждый въ оныхъ спражѣ герой;
Предѣлы царствѣ твоихъ щитами,
А седьмъ, рабынь твоихъ, морей
Покрыты быспрыми судами,
И жезлѣ судьбы въ рукѣ твоей!
Речешъ: — и двигнется полсвѣта!
Различный образъ и языкъ:
Тавридецъ, чшипель Магомеша,
Поклонникъ идоловъ, Калмыкъ,
Башкирецъ съ меткими стрѣлами,
Съ булашной саблею Черкесъ
Ударятъ съ шумомъ въ слѣдѣ за нами
И прахъ поднимутъ до небесъ!
Твой Россѣ весь міръ дрожатъ заспавишъ;
Наполнишъ громомъ чудныхъ дѣлъ,
И шамъ столпы свои поставишъ,
Гдѣ свѣшу цѣлому предѣлѣ.

П Ъ С Н Ъ

на день Коронованія Его Императорскаго
Велитества Государя Императора
Александра Перваго.

П о э т ъ.

И я питомецъ Аполлоновъ !
Не умолчу въ сей важный часъ :
Судьба рѣшился миліоновъ,
Взоръ міра обращенъ на насъ
И свыше Громовержецъ внемлетъ ;
Младый сподвижникъ воспріемлетъ
Обѣтъ, который всѣхъ святей :
Быть стражемъ и опцемъ полсвѣта ! —
Утѣшь насъ радугой завѣта,
О Богъ судебъ ! о Царь Царей !

Х о р ъ.

Даруй швой судъ Царю младому,
Да будетъ другомъ правды онъ ;
Любезенъ добрымъ, грозенъ злему,
Дальнѣйшаго услышитъ стонъ ;
Народовъ разныхъ повелишель,
Да будетъ Геній просвѣтитель,
Краса и честь своимъ спранамъ ;
Да будутъ дни его правленья,
Для Россовъ днями прославленья
И преданы отъ нихъ вѣкамъ.

П о э т ъ.

Монархъ! подъ сими небесами,
 На семъ же мѣстѣ Іоаннъ
 Пріялъ геройскими руками
 Вѣнецъ, которымъ Ты вѣнчанъ.
 Благоговѣй къ своей порфирѣ:
 Ее носилъ Великой въ мірѣ,
 Самъ Петрѣ на мочныхъ раменахъ;
 Благоговѣй предъ сей державой:
 Она горитъ, блистаетъ славой
 Премудрыя, Одной въ женахъ.

Х о р ъ.

Да ниспошлетъ Безсмертна внуку
 Свой даръ, сердца ми обладашь;
 Да укрѣпитъ Монаршу руку
 Кормиломъ царства управлять!
 О вѣщъ, о кровь Екашеріны!
 При ней корабль нашъ * чрезъ пучины
 Отважно къ счастію летѣлъ;
 При ней Россіянинъ, сынъ славы,
 Вселенной подавалъ утѣхы
 И жребіемъ ея владѣлъ.

П о э т ъ.

Не измѣнимся и съ Тобою:
 Тебѣ душа ея дана. —
 Я вижу, вижу предъ собою,
 Монархъ! грядущи времена:

* Корабль правленія.

Россія вѣ силѣ возрастаетъ
И обелиски воздвигаетъ
Во мзду заслугъ своихъ сыновъ;
Гремятъ вѣ ней Пиндары, Платоны —
О дни златые! миліоны!
Несите сердце вмѣсто словъ.

Х о р ъ.

Гряди на тронъ Россіи съ Богомъ,
Гряди, отечества Отецъ!
Будь счастья нашего залогомъ
И утѣшеніемъ сердецъ.
Цари всемоchnы и священны:
Хомятъ, — и смертныя блаженны,
И на земли вкушаютъ рай! —
Имъ небо власть свою вручило:
Всходи, о новое свѣтило!
И благосшью вѣ вѣкахъ сіай.

ПРЕЛОЖЕНІЕ 49 ПСАЛМА.

Кто въ блескахъ молніи нисходитъ,
Колеблетъ гласомъ горъ сердца,
И взоромъ въ трепетъ все приводитъ?
Природы ль вижу я Творца?
Онъ, онъ! се мечъ въ десной сверкаетъ,
А въ шуйцѣ вѣчныя вѣсы;
Се къ вамъ, народы, онъ вѣщаетъ —
О страхъ! о грозные часы!

“Не мни, гласитъ, о родъ строптивый!
Загладитъ жертвами свой грѣхъ,
Когда во гнѣвѣ судъ правдивый
Приду изречь на смертныхъ всѣхъ.
Что мнѣ до вашихъ всесоженій,
До вашихъ жертвъ и пучныхъ спадъ?
Богъ пьетъ ли кровь своихъ твореній?
Безсмертный чувствуемъ ли гладъ?”

“Я всю вселенную обѣмлю
И въ длани жизнь ея ношу;
Я вздоху насѣкомыхъ внемлю;
Хочу, — и солнце погашу.
Пожри же мнѣ своей душою,
Очисти совѣсть отъ грѣховъ,
И непорочныхъ устъ хвалою
Да будетъ славимъ Богъ боговъ.

“Но да прильпнетъ языкъ къ гортани
Твоей, о грѣшный человѣкъ!
Не просирай ко мнѣ пы длани
И не блажи меня во вѣкъ.
Тебѣ ли Бога пѣснословить,
Коль духомъ не живешь о немъ,
Коль адъ спѣшишь себѣ готовить
Въ порочномъ житіи твоёмъ?”

“Изъ устъ твоихъ печетъ ядъ лести,
И злоба ухищренныхъ змѣй;
Ты брашу ковъ шворилъ изъ мести,
Корысти раздѣлялъ пашей.
О лицемѣры! вѣчно ль стану
Я громъ удерживать въ рукахъ?
Возпрепещите! гряну, гряну,
И уничтожу, яко прахъ!”

Г И М Н Ъ Б О Г У.

Парю душей къ тебѣ, всечтимый,
 Превѣчно слово, присвятый !
 Блажу тебя, непосижимый,
 Всемошный, безначальный, сый !
 Блажу, и сердцемъ восхищаюсь,
 Зря пѣзмы, куда ни обращаюсь,
 Въ твореніи твоемъ чудесъ.
 Великъ равно мы въ насѣкомомъ,
 Какъ въ буряхъ къ намъ ревушихъ съ гро-
 Съ недосягаемыхъ небесъ ! (момъ

Гдѣ пунктъ начатія вселенны ?
 Что въ солнцѣ огонь питаемъ швой ?
 Чемъ звѣзды въ пверди ушверженны,
 И что вращаемъ шаръ земной ?
 Откуда сонмы водъ пушились
 И вокругъ земли совокупились
 Въ неизмѣримый океанъ ?
 Что въ него, что въ ээира
 Кто въ пайнахъ сихъ, о творче міра !
 Участникомъ швоимъ избранъ ?

Никто, никто въ твоемъ совѣтѣ !
 Непроницаемъ швой покровъ :
 Сѣдящій въ неприступномъ свѣтѣ
 Надъ міріадами міровъ,
 Ты взоромъ солнца возжигашь,
 Ты маніемъ міры вращашь,

Ты духомъ ангеловъ творишь,
И словомъ, мыслію одною —
Сію пылинку предъ тобою —
Громаду свѣта изпребишь.

С М Ъ С Ъ.

ЧУЖОЙ ТОЛКЪ.

Чшо за диковинка! лѣтъ двадцать ужъ прошло,
 Какъ мы, напргши умъ, наморщивши чело,
 Со всеусердіемъ все оды пишемъ, пишемъ,
 А ни себѣ, ни имъ похвалъ нигдѣ не слышемъ!
 Уже ли выдалъ Фебъ свой имянной указъ,
 Чтобъ не дерзалъ никто надѣяться изъ насъ
 Быть Флакку, Рамлеру и ихъ собратъи равнымъ,
 И сполько жъ, какъ они, во пѣснопѣньи славнымъ?
 Какъ думаешь? ... вчера случилось мнѣ сличать
 И ихъ и нашу пѣснь: вѣ ихъ... нечего чипать!
 Листочикъ, много три, а любо какъ чипаешь—
 Не знаю, какъ то самъ какъ будто бы лешаешь!
 Судя по краткости, увѣренъ, что они
 Писали ихъ рѣзвась, а не чешыре дни;
 То какъ бы намъ не быть еще и ихъ счастливей,
 Когда мы во сто разъ прилѣжнѣй, терпѣливѣй?
 Вѣдь нашъ начнетъ писать, то всѣ забавы прочь!
 Надъ парюю стиховъ просиживаетъ ночь,
 Потѣетъ, думаетъ, чертитъ и жжетъ бумагу,
 А иногда беретъ такую онъ отвагу,
 Что цѣлый годъ сидитъ надъ одою одной;
 И подлинно ужъ весь приложитъ разумъ свой:
 Ужъ прямо самая торжественная ода!
 Я не могу сказать, какого это рода;
 Но очень полная, иная въ двѣсти строфъ!
 Судите жъ, сколько тутъ хорошихъ есть стих-
 ковъ!
 Къ тому жъ, и въ правилахъ: сперва прочтешь
 вступленье,
 Тутъ предложеніе, а тамъ и заключенье —

Точь вѣ почь, какъ говорятъ учены по церквамъ;
 Со всѣмъ тѣмъ нѣтъ чиста охоты, вижу самъ!
 Возьму ли, на примѣръ, я оды на побѣды,
 Какъ покорили Крымъ, какъ вѣ морѣ гибли Шведы;
 Всѣ туть подробности сраженья нахожу:
 Гдѣ было, какъ, когда, — короче я скажу:
 Вѣ стихахъ реляція! прекрасно, . . . а зѣваю!
 Я бросивши ее, другую раскрываю
 На праздникъ, иль на что подобное тому;
 Тутъ найдешь то, чего бѣ нехитрому уму
 Не выдумать и вѣкъ: зари багряны персты,
 И райскій кринъ, и Фебъ и небеса отверсты!
 Такъ громко, высоко! . . . А нѣтъ, не веселитъ,
 И сердца, такъ сказать, ни чуть не шевелитъ!“ —

Такъ дѣдовскихъ временъ съ любезной про-
 спешною
 Вчера одинъ старикъ бесѣдовалъ со мною;
 Я будучи и самъ товарищъ тѣхъ пѣвцовъ,
 Которыхъ дѣйствию дивился онъ стиховъ,
 Смутился и не зналъ, какъ отвѣчать мнѣ должно;
 Но къ счастью, — ежели назвать то счастьемъ
 можно,
 Чтobъ слышать и себѣ ужасный приговоръ —
 Какой-то Аристархъ съ нимъ началъ разговоръ:

“На это, онъ сказалъ, есть многія причины;
 Не общаюсь ихъ открытъ и половины,
 А нѣкоторые вамъ охотно объявлю:
 Я самъ языкъ боговъ, Поэзію люблю,
 И нашей, какъ и вы, утѣшенъ такъ же мало;
 Однако жѣ здѣсь, вѣ Москвѣ толкался я бывало
 Межъ нашихъ Пиндаровъ, и всѣхъ ихъ замѣчалъ:
 Большая часть изъ нихъ: лейбъ-гвардіи капралъ,

Ассесоръ, офицеръ, какойнибудь подьячій,
Иль изъ кунсткамеры аншикъ въ пыли ходячій,
Уродовъ спражъ, — народъ все нужный, должно-
сшной;

Такъ часто я видалъ, что истинно иной
Въ два, въ три дни риѣму лишъ прибрать едва
успѣтъ,

За тѣмъ, что въ хлопотахъ досуга не имѣтъ.

Лишъ только мысль къ нему счастливая придетъ,

Вдругъ било пять часовъ! уже карета ждетъ,

Пора въ театръ, а тамъ на балъ, а тамъ къ Ліону,*

А тутъ и ночь,... когда жъ захватъ къ Аполлону?

На завтра лишъ глаза откроены, — ужъ билетъ:

На пробу въ пять часовъ,... куда же? въ модный
свѣтъ:

Гдѣ лирикъ нашъ и самъ взялъ Арлекина ролю;

До одыль тутъ? шверди, скачи два раза къ Кролю**

Потомъ опять домой, здѣсь холься да рядись,

А тамъ въ спектакль, и такъ со днемъ опять про-
спись.

Къ помужь у древнихъ цѣль была, у насъ другая:

Горацій, на примѣръ, воспоргомъ грудь пишая,

Чего желалъ? о! онъ — онъ бралъ не съ высока:

Въ вѣкахъ безсмертія, а въ Римѣ лишъ вѣнка

Изъ лавровъ иль изъ миртъ, чтобъ Делія сказала:

Онъ славенъ, чрезъ него и я безсмертна спала.

А нашихъ многихъ цѣль награда перспенькомъ,

Не рѣдко сто рублей иль дружество съ князькомъ,

Который отъ роду не чистывалъ другога,

Кромѣ придворнаго подъ часъ мѣсяцослова;

* Содержатель въ П. Б. вольныхъ Маскерадовъ.

** П. Б. лортной.

Иль похвала своихъ пріятелей, а имъ
Печатный всякой листъ бытъ кажется святымъ.

Судяжъ, сколь разныя и пѣхъ и нашихъ виды,
Навѣрно лзя сказать, не дѣлая обиды
Решивымъ господамъ питомцамъ Рускихъ музъ,
Что долженъ бытъ у нихъ и особый вкусъ,
И въ сочиненіи лирической поэмы
Другія способы, особыя пріемы;
Какія же они, сказаць вамъ не могу,
А только объявлю, — и право не солгу —
Какъ думалъ о стихахъ одинъ стихотворитель,
Котораго прудовъ Меркурій нашъ и Зритель *
И книжный магазинъ и лавочки полны:
“Мы съ рѣмами на свѣтъ, онъ мыслилъ, рождены;
Такъ не смѣшно ли намъ поэтамъ согласиться,
На взморьѣ въ хижинку какъ Демосеенъ забиться,
Читаць да думаць все, и то, что вздумалъ самъ,
Расказывать однимъ шумящимъ лишь волнамъ?
Природа дѣлаетъ пѣвца, а не ученье;
Онъ не учась ученъ, какъ придетъ въ восхищенье.
Науки будущъ все науки, а не даръ;
Потребный же запасъ: опвага, рѣмы, жаръ” —
И вотъ какъ писывалъ поэтъ природный оду:
Лишь пушекъ громъ подастъ пріятну вѣсть на-
роду,
Что Рымникскій Алкидъ Поляковъ разгромилъ,
Иль Ферзенъ ихъ вождя Косписку полонилъ;
Онъ топъ часъ за перо, и разомъ вывелъ: Ода!
Потомъ въ одинъ присѣпъ: *такого дня и года!*
“Тутъ какъ? . . . *лою* . . . иль нѣтъ, ужъ это спа-
рина;
“Не лучше: *даждь мнѣ фебъ!* . . . иль такъ: *не ты*
одна

* П. Б. Журналы.

“Полала подъ лятѣ, о талмоносца Порта!

“Но что же мнѣ прибравъ къ ней въ риѣму, кромѣ чорша?

“Нѣтъ, нѣтъ, не хорошо; я лучше поброжу

“И воздухомъ себя отккрытымъ освѣжу“ —

Пошелъ, и на пупи такъ въмысляхъ разсуждаетъ:

“Начало никогда пѣвцевъ не устращаетъ:

“Что хочешь, по мѣли; вотъ штука, какъ хвалишь,

“Героя — то придетъ! не знаю, съ кѣмъ сравнишь?

“Съ Румянцовымъ его, иль съ Грейгомъ иль съ Орловымъ

“Какъ жаль, что древнихъ я не читывалъ, а съ новымъ

“Не ловко что-то все. — да просто напишу:

“*Ликъ Герой! ликий; Герои ты!* возглашу:

“Изрядно. — шутъ же что? шутъ надобенъ вос- торгъ,

“Скажу: кто завѣсу мнѣ възности расторгъ?

“ *вижу молній блескъ! я слышу съ горня свѣта*

И то, и то... а шамъ?... извѣстно: *много лѣта!* —

“Брависсимо! и планъ и мысли, все ужъ есть!

“Да здравствуетъ Поэтъ! ошалоса присѣсть,

“Да только написашъ, да и печатать смѣло.“ —

Бѣжитъ на свой чердакъ, чертитъ, — и въ шляпѣ

И оду ужъ его тисненью предающъ, (дѣло!

И въ одѣ ужъ его намъ ваксу продающъ.

Вотъ какъ пиндарилъ онъ и всѣ ему подобны,

Едва ли вывѣски надписывать способны!

Я елалъ бы, что бы фебъ хотя во снѣ имъ рекъ:

“Кто въ громкой славою Екатерининъ вѣкъ

Хвалой ему сердецъ другихъ не восхищаетъ

И лиры сладкою слезой не орошаетъ,

Тотъ брось ее, разбѣй! и знай: онъ не поэтъ!“ —

Да вѣдаетъ же всякъ по одамъ мой клеветъ,

Какъ дерзостный языкъ безславилъ насъ, ничто-
жилъ,
Какъ лириковъ цѣнилъ! воспрянемъ! Марсій
ожилъ!

Товарищи! къ столу, за перья! опомстимъ,
Надуюмся, напредъ, ударимъ, поразимъ!
Напишемъ на него предлинную сапиру
И оправдаемъ шѣмъ Россійску громку лиру.

Сокращенный Переводъ
ЮВЕНАЛОВОЙ САТИРЫ
о Благородствѣ.

Скажи, Понтикусъ, мнѣ, какая польза въ томъ,
Что ты обиженный и сердцемъ и умомъ,
Богатъ лишъ прадѣдовъ и предковъ образами,
Прославившихъ себя великими дѣлами;
Что видимъ ихъ вездѣ во храминѣ твоей?
Здѣсь Гальба безъ носу, Корванусъ безъ ушей;
А тамъ въ торжественной Эмилиѣ колесницѣ
Съ лавровой вѣтвю и копіемъ въ десницѣ;
Иль Куріи въ пыли, въ лоскутьяхъ на стѣнѣ.
Что прибыли, что ты указывая мнѣ
Шестомъ иль хлыстикомъ на вѣтхія портреты,
Которы у тебя копятся многи лѣты,
Надувшись говоришь: “смотри, вотъ предокъ мой,
Начальникъ Римскихъ войскъ; великій былъ герой!
А это прадѣдъ мой; разумный былъ Дикшаторъ!
А это дѣдушка; вотъ прямо былъ Сенапоръ! —
А самъ ты внучекъ что? Герои на стѣнахъ,
А ты предъ ними ночь всю пьянствуешь въ пирахъ,
А ты ложишься спать, тогда какъ тѣ вставали,
И къ бою со врагомъ знамѣна развивали;
Возможноль Фабію гордиться только тѣмъ,
Что предъ Иракловымъ (1) взлелѣянъ олшаремъ,
И съ жизнью получилъ названье Альборога,
Когда сей правнучекъ законный полубога,
Чесполюбивъ и гордъ лишъ славой праотца,
А самъ вялѣе, чемъ Падуйская овца?
Когда онъ дряблостью прапрадѣдовъ безславитъ,
Когда его ихъ шлемъ обыкновенный давитъ;

Коль тѣни самыя дрожатъ героевъ сихъ,
 Съ досады, видя ликъ его между своихъ?—
 Понпикусъ! шиплы, родъ... пустое превосход-
 спиво
 Но духъ, великій духъ: вотъ наше благородство!

Будь Коссій, Павелъ, Друзъ, но буди по дѣламъ:
 Показывай ихъ духъ, а не поршпреты намъ;
 Когда въ тебѣ ихъ умъ, ихъ дѣльность, добры
 нравы:
 То Консулъ ты иль нѣтъ, достоинъ вѣчной славы,
 Ты знаменъ! и тогда съ Силаномъ на равнѣ
 Ты честь опечеснву, и милъ, безцѣненъ мнѣ;
 Тогда возрадуюсь тебѣ какъ Озириду; (2)
 Но чтобы истиннымъ героямъ я въ обиду
 Ихъ не достойное исчадіе почтилъ?
 Не будетъ! я бѣ себя шѣмъ вѣчно посрамилъ.
 Что имя? развѣ нѣтъ вседневнаго примѣра,
 Что говорятъ сойдясь съ старухой: вотъ Венера!
 А съ карлой: вотъ Апласъ! и кличущъ шигромъ,
 львомъ,
 Негоднаго щенка съ обрубленнымъ хвостомъ?
 Рубеллій! трепѣщи гордиться предковъ чиномъ:
 Не долго и тебя прозвать намъ Кимериномъ.

Ты столь возносишься порокою своею,
 Какъ будто самъ и блескъ и знатность придалъ ей.
 Я родъ мой, говоришь, съ Цекропа начинаю;
 А ты изъ подлости, изъ черни— уступаю,
 Честь предку швоему и должная хвала!
 Однакожъ эта чернь намъ вѣшю дала,
 Защитника въ правахъ безграмотна дворянства;
 Однакожъ эта чернь, скажу еще безъ чванства,
 Даетъ блюстителей законовъ намъ, судей,
 Которы шщаніемъ и тонкостью своей

Для пользы общества ихъ узлы разрѣшаютъ,
Иль темный оныхъ смыслъ не рѣдко объясняютъ;
И ежели Ефратъ среди своихъ береговъ
Мяшется и дрожитъ отъ имени Орловъ,
Когда вселенная покорсшвуетъ Римлянамъ:
То тѣмъ одолжены мы храбрымъ Плебеянамъ.
А ты, скажи мнѣ, чѣмъ опечесству служилъ,
И что отъ древняго Цекропа сохранилъ?
Лишь имя... о бѣднякъ! о знашый мой повѣса!
Ты то же для меня, что испуканъ Гермеса:
Тотъ мраморный, а ты къ безславію живой —
Вотъ вся и разница у статуи съ тобой.

Чѣмъ опличаются живошны, какъ не силой?
Одинъ конь быстръ, горячъ; другой лѣнливой, хилой;
Того, который всѣхъ на скачкѣ передишъ,
Слѣдами сыплешъ огонь и вихремъ пыль крушишъ,
Мы хвалимъ, бережемъ и ежедневно холимъ,
А клячу за ничто продать на торгъ отводимъ,
Хотя бѣ Гарпинова опродія была;
Равно и ты презрѣнъ, коль знашныя дѣла,
Которыми твои прапрадѣды сіяютъ,
Лишь только намъ твоею ничтожность озаряютъ;
Достоинство другихъ намъ блеска не даетъ:
Отъ зданья отними столпы, оно падешъ;
А скромный плющъ растешъ безъ страха, и не
гнется,
Хотя и срубишь вязъ, вокругъ коего онъ вьется.

И такъ желаешь ли уваженъ быть, любимъ?
Знай долгъ свой: въ брани будь искусенъ и рѣшимъ;
Въ семействѣ другъ, въ судѣ покровъ, защит-
никъ правыхъ,
И лжесвидѣтелей, ктобъ ни были, лукавыхъ,

Забывъ и родъ и санъ и мощь ихъ обличай;
 За истину на все безпрепечно дерзай!
 Хотя бы Фаларидъ, подвигнувъ адскимъ гнѣвомъ,
 Грозилъ тебѣ за то вола разженнымъ чревомъ:
 Нѣтъ нужды! извергъ тотъ, уродъ, не человекъ,
 Кто думаетъ продлить безчестіемъ свой вѣкъ;
 Пускай для нихъ полетъ свой остановитъ время;
 Но жизнь, должайша жизнь безъ чести... тяж-
 ко бремя!
 Такъ жизни ль жертвовать, симъ нѣсколькимъ
 часамъ,
 Тѣмъ самымъ, для чего и жизнь любезна намъ?
 Рубеллій! тотъ ужь мерщвъ, кто казни сталъ
 достоинъ,
 Хотя онъ и поднесъ надъ устрицами воинъ,
 Которыхъ сопнями глошаетъ на пирахъ;
 Хотя всякой день еще купается въ водахъ,
 Настоенныхъ цвѣтовъ и амбры ароматомъ.

Когда же, наконецъ, ты хипростью, иль зла-
 томъ,
 Иль и заслугами взойдешь на верхъ чesпей,
 Ставъ, на примѣръ, главой обширныхъ областей:
 Не будь, не будь своимъ предмѣстникамъ подобенъ,
 Толикожъ, какъ они, мздоимецъ, гордъ и злобенъ;
 Не лей союзныхъ кровь, смягчай ихъ горьку часъ,
 И въ правосудіи являй свою лишь власть.
 Твори, что гласъ тебѣ законовъ возвѣщаетъ,
 И помни, что Сенатъ въ возмездье общаетъ:
 Отлику или громъ! такъ, громъ, которымъ онъ
 За слезы вдовъ, сиротъ, за ихъ сердечный стонъ,
 Сразилъ Нумитора съ жестокимъ Капитономъ,
 Сихъ алчныхъ кровопійцъ — увы! что пользы
 въ ономъ,

Коль Панса грабишь то, что Нашта пощадишь?
 Не долго ты, Керипъ, спокойствіе хранишь;
 Неси скорбь, бѣднякъ, домашніе уборы,
 Весь скарбъ подмолотокъ, пока не придутъ воры,
 Продай все и молчи, а съ прозьбой не тащись,
 Иль и съ послѣдними ты крохами протись.
 Хотя и въ старину не болѣе щадили
 Друзей, которыхъ мы мечемъ усыновили;
 Но имъ сноснѣй была опеческая власть;
 Въ то время было что у дѣтокъ и украсть:
 Дома ихъ красились Мироновой работою,
 Сіяли золотомъ еще, не позолотой;
 Гдѣ кисть Парразія, гдѣ Фидія рѣзецъ
 Оставили вѣкамъ въ изящномъ образцѣ,
 А Верресу соблазнъ; такъ, все сіе богатство
 Украдкою перешло, какое святошество!
 Безстыдна Верреса съ Антоніемъ въ суда;
 Несчастливымъ симъ принесъ миръ болѣе вреда,
 Чѣмъ самая война! но что похишишь нынѣ?
 Заросшія поля, подобныя пущынь,
 Съ десятокъ кобылицъ, иль пары двѣ воловъ...
 Быть можетъ пасуха, опеческихъ боговъ,
 Быть можетъ, индѣ бюстъ,... кумиръ уединенный,
 Добыча бѣдная, но имъ уронъ безцѣнный,
 За тѣмъ, что это ихъ послѣднее добро!
 Грабитель! смѣло грабь и золото и серебро
 Трусливыхъ Родіянъ, Коринѣянъ умащенныхъ —
 Чего бояться ихъ, всѣхъ въ роскошь погружен-
 ныхъ?

Но пощади жнецовъ, питающихъ нашъ градъ,
 Столицу праздности, позорищъ и прохладъ;
 Но Галла ты не тронь, Ибернца также бойся;
 И что взять въ Африкѣ? о! тамъ, не безпокойся,
 Давно ужъ Марій (3) былъ; спрашисъ, страшисъ
 привестъ
 Въ опчаянне людей, въ которыхъ сердце есть;

Ты можешь захватить и дома ихъ и селы ;
 Но вырвешь ли изъ рукъ ихъ щилъ, ихъ мечъ и
 стрѣлы ?
 Булашъ, булашъ еще останется при нихъ !

Но обратимъ къ тебѣ опять, Понтикусъ, стихъ:
 Когда подвласные въ тебѣ увидятъ друга,
 Опца и судію ; когда твоя супруга
 Не будетъ города и веси обтекашь,
 Что бы какъ Гарпія несчастныхъ хлѣбъ снѣдашь;
 Тогда, хоть Пикусовъ будь внучекъ, я согласенъ;
 Пожалуй, выбирай изъ повѣстей и басенъ
 Любова въ прадѣды: пусть будетъ онъ Тишанъ,
 Хоть самый Проміеѣй, — почту твой родъ и санъ;
 Но естли ослѣпясь своимъ высокимъ саномъ,
 Ты будешь не судьей, мздоимцемъ и пираномъ ;
 Когда ты Ликпоровъ сѣкиры приступишь
 И пуки кровію союзныхъ обagriшь —
 Тогда твой знатный родъ прошивъ тебя жъ воз-
 станетъ,
 Онъ первый на тебя проклятемъ спрашнымъ
 грянетъ,
 И первый мерзости, ты коими покрывъ,
 Какъ яркій пламенникъ предъ міромъ озаритъ.
 Преступникъ чѣмъ знанѣй, тѣмъ болѣе онъ
 виненъ.

Смотри, какъ Дамазипъ и гнусенъ и безчиненъ
 Вдоль мѣста, гдѣ его почіетъ предковъ прахъ,
 Лежитъ на шестернѣ, имѣя бичъ въ рукахъ ;
 Смотри, какъ званіемъ возницы онъ гордится !
 И кто же? Консулъ самъ! кто болѣ осрамится?
 Конечно въ ночь его не сторожитъ никто ;
 Но мѣсяцъ съ небеси, но звѣзды видятъ то !

Увидимъ, погоди, и всѣ, коль скоро минетъ
Срокъ Консульству его; тогда онъ тогда скинетъ
И въ бѣлый день во всей предстанетъ славѣ намъ,
Возжами бѣя коней усмалыхъ по бокамъ;
Тогда онъ спанетъ самъ ходить уже за ними,
И клясться будетъ онъ богами не иными,
Какъ лишъ Типоною (4) висящей на стѣнѣ
Въ конюшнѣ у него. “Онъ молодъ, скажутъ мнѣ:
“И мы вѣдь были пожъ.” — Я и не спорю, были,
Но съ первой бородой себя перемѣнили.
Срокъ буйства юныхъ лѣтъ бытъ долженъ ко-
рошокъ.

Согласенъ я и въ томъ, что слишкомъ томъ
жестокъ,
Который молодость ни въ чемъ ужъ не прощаетъ;
Но Консула ль простишь? того ль, кто посѣщаетъ
Всѣ подлыя мѣста, какія въ Римѣ есть,
Тогда, какъ молодость, порода, долгъ и честь
Зовутъ его на Рейнъ, на берега Дуная,
Въ Арменію, на Нилъ, гдѣ лавры пожиная
Онъ могъ бы заслужить безсмертія вѣнецъ?
О Цесарь! гдѣ найдешь вождей ты, наконецъ?
Ищи, ищи ихъ впредь не въ сонмѣ опличенныхъ,
Не въ Остіи, — въ мѣстахъ разврату посвящен-
ныхъ;
Тамъ, тамъ ты ихъ найдешь въ толпѣ бродягъ,
рабовъ,
Между Цибеллиныхъ неистовыхъ жрецовъ
При бубнахъ на полу проспертыхъ и храпящихъ;
Всякъ первый, всякой братъ въ вертепахъ сихъ
смердящихъ;
И все тамъ общее: столъ, чаша и постель;
Забытъ самихъ себя есть главная ихъ цѣль.
Поншикусъ! естлибъ ты узналъ, что твоей слу-
жипель,
Послѣдній самый рабъ попалъ въ сію обитель;

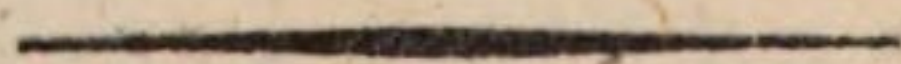
Скажи мнѣ, какъ бы съ нимъ за это поступилъ ?
Конечно бы его на долго заключилъ
Въ Луканію, или въ Тосканскія (5) темницы :
Чтожъ пѣмъ, которые безчестяшъ багряницы ?
О вѣкъ ! что и бойцу вмѣняющъ въ срамъ и спудъ,
Тѣмъ могутъ щеголять Волезіусъ и Брутъ !

Кто родомъ былъ знатнѣй Цепега, Капилины ?
Казалось, не было завиднѣй ихъ судьбины ;
Какой просторный былъ имъ къ славѣ предковъ
слѣдъ !

Но чтожъ ? въ свирѣпости и Галловъ превзошедъ,
Они оспряшъ мечи и раздувають пламя ,
Чтобъ ночью развернувъ мяжежническо знамя,
Разрушишъ, сжечь дома и храмы, и весь Римъ !
Но Консулъ бодрствуетъ, преграды спавишъ имъ,
Спрежетъ ихъ всѣ шаги, согражданъ ободряетъ,
И словомъ, не мечемъ республику спасаетъ.
Ктожъ эшотъ, кто отвелъ отъ насъ враждебный
рокъ ?

Маркъ Тулліусъ, пришлецъ Арпинской, *новитокъ* (6).
Но Римъ его почтилъ не пѣми именами :
Онъ лавры Августа всегда кропилъ слезами,
А Туллія опцемъ опечесства нарекъ.
Понтикусъ ! ктожъ теперь швой знатный чело-
вѣкъ ?

По мнѣ, такъ лучше будь попомкомъ ты Тер-
сиша (7),
Но съ мужесствомъ, съ душой Ахилла имениша.

Примѣтанія къ Ювеналовой Сатирѣ.

1. Что предъ Иракловымъ взлелѣянъ олпашемъ. Эвандръ въ тестъ Геркулесу воздвигнулъ храмъ, прелорута смотрѣніе надъ нимъ Фабіанову роду, который почиталъ себя происходящимъ отъ сего полубога.

2. Тогда возрадуюсь тебѣ, какъ Озириду. Египтяне обожали Озирида въ образѣ своего Алиса или вола; когда они его находили, то всѣ кричали въ голосъ: радость! радость! нашли его.

3. Давно ужъ Марій былъ и проч. Сей Марій, — не тотъ, который разбилъ Цимбровъ и Тевтоновъ; — былъ Проконсуломъ въ Африкѣ; Сенатъ осудилъ его за грабительство въ ссылку; но область, или разоренная, никакого болѣе удовлетворенія не получила; половина изъ похищеннаго у него сокровища описана была въ казну, а другая осталась у Марія, и онъ, будучи въ ссылкѣ, жилъ еще великолѣннѣе, нежели въ своей Губерніи.

4. Гипона, богиня, покровительствующая конскимъ заводамъ.

5. Въ Луканію, или въ Тосканскія темницы. Это были подземелья, называвшіяся у Римлянъ Ergastule; почти каждый Римскій владѣлецъ имѣлъ въ помѣстьѣ своей подземелье, куда онъ въ наказаніе сажалъ своихъ невольниковъ.

6. Маркъ Тулліусъ, пришлецъ Арпинскій, новичокъ. Цицеронъ родился въ мѣстѣлкѣ Арпинумъ. Римляне называли новичками всѣхъ тѣхъ, которые вышли въ знатность сами по себѣ, а не по предкамъ.

7. По мнѣ, такъ лучше будь потомкомъ ты Терсита. Это былъ безобразный и малодушный Князь, упоминаемый въ Иліадѣ.

П О С Л А Н І Е

Аглинскаго Стихотворца Попа
къ Доктору Арбутноу.

Иванъ! запри ты дверь, защолкни, заложу,
И кто бы ни спучалъ, ошказывай: скажи,
Что очень болѣнъ я, скажи, что умираю,
Увѣрь, что умеръ я! какъ спряматься, не знаю?
Ошкуда, Боже мой, писцовъ такой содомъ!
Я вижу весь Парнасъ, весь сумашедшихъ домъ!
И шамъ, и здѣсь они встрѣчаются толпами,
Съ бумагою въ рукахъ, съ горящими глазами,
Всѣхъ ловящъ, всѣхъ къ себѣ и тянущъ и тащашъ,
И слушай ихъ иль нѣтъ, а оду прокричашъ!
Какой стѣной, какой древъ пѣнью защишиться,
Чтобъ этотъ скучный рой не могъ ко мнѣ про-
бшсья?

Безперестанно онъ копышется вездѣ;
Гоняется за мной на сушѣ, по водѣ;
Заползываетъ въ гробъ, встрѣчается въ алеѣ;
Я въ церковь, онъ шудажъ! и что всего мнѣ злѣе,
Гонимый голодомъ и спужей съ чердака,
Не дастъ спокойно мнѣ и хлѣба събшсь куска!

То подлый стиховраль, въ котормъ безъ рож-
денья

Иль смерти богача, нѣтъ силы вображенья;
То крупный господинъ, слагашель мѣлочей;
То авторъ въ чепчикѣ; то бѣдный дуралей,

Который бывъ лишенъ чернильницы, въ замѣну
 На привязи углемъ исписывалъ всю стѣну;
 То молодой судья на мѣсто чшенья правъ,
 Кропающій *экспролитъ* до полночи не спавъ:
 Всѣ, всѣ — кто возгордясъ моими похвалами,
 Ктожъ не доволенъ мной — дождяшъ въ меня
 стихами!

И я жъ еще другимъ обязанъ дать отвѣтъ:
 Артуру, для чего охоты въ дѣтяхъ нѣтъ
 Къ судейству! все стихи мои тому виною!
 А Корну, для чего онъ не прельщаетъ Клою.

О ты, безъ коего не могъ бы міръ узнать,
 Что станушъ на меня и за меня писать:
 Спасишь ли дней моихъ! яви еще услугу,
 Ты нынѣ своему признательному другу:
 Скажи, какъ съ этой мнѣ раздѣлалась чумой?
 Какое зелье глупцовъ отгонишъ рой?
 И что опаснѣй мнѣ, ихъ дружба или злоба?
 Ахъ, видно не имѣшь оправды мнѣ до гроба!
 Какъ другъ боюсь ихъ одъ, какъ недругъ клеветы:
 Тамъ скука, здѣсь вражда — и все спрадаешь ты!
 Но кто тамъ? Кодръ. — Конецъ съ моею головою!
 Съ стихами, какъ съ ножемъ споишъ онъ надо
 мною.

Вообрази мой другъ, къ чему я осужденъ!
 Ты знаешь, что я лгашъ и льстишь не сотворенъ,
 Молчашъ мнѣ тяжело, назвашъ чистосердечно
 Писателя въ глаза вралемъ безчеловѣчно,
 А слушаешь вздоръ его, потчасъ изобличусь.
 Какая мука! ктожъ? взявъ кропкой видъ сажусь
 Вдохнувши передъ нимъ, съ учтивостью зѣваю,
 Въ молчаніи бѣшусь, но на конецъ бросаю
 Всѣ съ авторомъ чины, и прямо говорю:
 “За вашу вѣжливость ко мнѣ благодарю,

Вы съ дарованіемъ, однако... подержите
Тепрадку вашу съгодъ—что вы сказать хошите?
Вскричалъ привыкшій въкъ перомъ своимъ чер-
тишь,

И по охотѣ врашъ и по охотѣ жить;
Привыкшій риѣмовалъ вседневно съ раннимъ свѣ-
томъ

Покояся еще подъ авторскимъ наметомъ,
Котораго мохры не оплешая прочь,
Цѣлуютъ нѣжныя Зефиры день и ночь.
Годъ цѣлый! повторилъ, такъ вамъ не полю-
билась?

Тѣмъ большая во мнѣ довѣренность родилась:
Возьмите же ее, и что угодно вамъ,
Прибавьте, выкиньте, на все согласье дамъ.
— Могуль опрады ждашь въ моей суровой долѣ?
Другой мнѣ говоритъ, “двѣ милоспи, не болѣ:
Во первыхъ, дружества — потомъ же? — сто
рублей.”

— А вы кто? — “я въ числѣ Дамоновыхъ друзей,
И съ прозьбой отъ него: вы съ Герцогомъ въ союзѣ;
Склоните взоръ его Дамона къ бѣдной Музѣ.
— Но вашъ почтенный другъ сто разъ меня бра-
нилъ.

— Ахъ, сколькожъ онъ и слезъ раскаянія лилъ!
Уважьте прозьбу вы иль гнѣвъ его спасный:
Дамонъ издашелемъ журнала: *Безпристрастный*
И къ Курлову * столу бываетъ приглашенъ.” —
Что за пакетище! еще ли не взбѣшенъ?
Посмотримъ: “скудныхъ силъ се плодъ ново-
рожденный,

Трагедія! пока отецъ ея смиренный

* Лондонской книгопродавецъ.

Во мракѣ принужденъ онъ всѣхъ себя таить,
 Благоволи опцемъ сиротки этой бытъ —
 Опять забота мнѣ! за правдубъ онъ озлился;
 Я промолчалъ, съ другой онъ прозьбою явился:
 Опдашь ее играть! я ожилъ: съ давныхъ лѣтъ
 Межъ скоморохами и мною связи нѣтъ;
 Трагедіи отказъ. Писатель раздраженный
 Кричитъ: “да гибнетъ весь актеровъ родъ пре-
 зрѣнный!

А я сей часъ въ печать трагедію опдамъ,
 Пусть судитъ публика!... Еще я съ прозьбой
 къ вамъ:

Не лѣзя ли слова два сказать объ ней Линпощу?“
 — Какъ, этому спрамцу? и онъ свою щедрощу,
 Что не взялъ за печать, всѣмъ спанетъ возно-
 носитъ!

— Ну, хоть поправше же, — вамъ скучно можетъ
 бытъ;

Но я — мнѣ на ухо — что выручу, все съ вами —
 Признайся, шупъ его обѣими руками
 Я обернулъ къ дверямъ, примолвя: вошъ поклонъ
 Тебѣ за твоей дѣлежъ, теперь же... просимъ вонъ.

Мнѣ часто говорятъ: ужъ бытъ бѣдѣ съ тобою;
 Не тронь ты тѣхъ и тѣхъ, не схватывайся съ
 шою —

Какая нужда мнѣ до глупости людей?
 Пусть хвастаетъ оселъ длиной своихъ ушей,
 Что можешь здѣлать онъ? — что можешь онъ?
 лягаться.

Таковъ-то и глупецъ. Я колокъ, можетъ спасться,
 Но можноть говоришь о глупости слегка?
 По крайней мѣрѣ, мнѣ все сносите дурака.
 Неустрашимый Кодръ! гдѣ есть тебѣ примѣры?
 Весь свѣтъ противъ тебя: и ложи и партеры!

Со всѣхъ сторонъ бранятъ, зѣваютъ и свиспятъ
И шляпы на тебя и яблоки лепятъ. —

Ни съ мѣста, ты сидишь. — Честь Кодру испол-
нину! —

Съ какимъ трудомъ паукъ мотаетъ паутину:
Смелли ее, паукъ опять начнетъ мотать;
Равно и риѣмача не думай обращать;
Брани его, стыди, а онъ доколѣ дышетъ,
Пока чернила есть, перо, — все пишетъ, пишетъ,
И гордъ своимъ шканьемъ — нѣтъ нужды, что оно
дохни, такъ улещитъ — враль мыслилъ: мудрено!

Новпрочемъ, гдѣ жъ моя вина передъ глупцами?
Лишаю ль ихъ утѣхъ моими я стихами?
Кодръ меньше ль отъ того доволенъ самъ собой?
Престалъ ли надувать милордъ подзобокъ свой?
Разстался ли Цибберъ съ кокешкой и папрономъ,
Которому онъ льстилъ? Моръ меньше ль франма-
сономъ?

Не потъ ли же Генлей орапоръ подлецовъ?
Не тоже ль дѣйствіе Филипповыхъ стиховъ
Надъ сердцемъ и умомъ ученаго прелата?
А Сафо — “Боже мой! оставишь ли хоть брата?
Не спрашно ли вражду навлечь такихъ людей?”
— Спрашнѣе во сто разъ имѣть изъ нихъ друзей.
Дуракъ бранивъ меня смѣшилъ, не досаждаешь,
А ласкою своей бѣсится принуждаетъ:
Одинъ мнѣ помъ своихъ твореній приписалъ
И болѣе ста враговъ хвалою своею ругалъ;
Другой съ перомъ въ рукахъ, моею славъ ры-
царь славы,
Ведетъ съ журналомъ бой; иной — какіе нравы! —
Укравъ мою тетрадь, печатать отдаетъ;
Иной же ни на часъ покоя не даетъ,

Вездѣ передо мной съ поклономъ: *подлишися!*
 А многіе еще, — теперъ, мой другъ, дивися,
 Какъ часто съглупостью сходна бываешьъ лесъ—
 И безобразіе мое мнѣ ставятъ въ честь!
 “Вашъ носъ Овидіевъ; вы также кривошея,
 Какъ и Филиповъ сынъ, а съ глазъ...” — не лзя
 умнѣя!

Довольно ужъ, друзья. И такъ въ наслѣдство мнѣ
 Лишь недоспашки ихъ остались однѣ.
 Не позабудете же, какъ слягу отъ безсилья,
 Представивъ почто такъ лежавшаго Виргилья,
 А какъ умру, сказать, что также наконецъ
 Скончался и Гомеръ, Поэзіи отецъ.

Откуда на меня рокъ черный накачался?
 Почто я съ ремесломъ безвыгоднымъ спознался?
 Какой злой духъ меня перомъ вооружилъ?
 О небо! сколько мной попраченныхъ чернилъ!
 Но лзя ль пропивишся влеченію природы?
 Отъ самой люльки я, въ младенческіе годы,
 Невиннымъ голосомъ на рѣмахъ лепеталъ.
 О возрастъ счастливый! въ которомъ я собиралъ
 Цвѣты, не думавъ бытъ уколотъ ихъ шипами,
 И удовольствія не воспоминалъ съ слезами!
 Но стихотворствуя, по крайней мѣрѣ я
 Не оправлялъ минутъ незлобнаго жизня
 Родителей моихъ. Моя младая Муза
 Со добродѣтелью ища всегда союза,
 Наставила меня ее лишь только пѣтъ,
 Въ бѣдахъ и горестяхъ терпѣніе имѣтъ,
 Питаетъ признашельность, ни чѣмъ незагладиму
 Къ тебѣ, о нѣжный другъ, за жизнь тобой хра-
 ниму!

Но скажутъ, для чего жъ въ печать онъ оп-
даешъ?
Ахъ, съ счастіемъ моимъ кто въ слабость не
впадешъ?
Вальсъ, тонкій сей знакъ, Гренвиль, сей умъ
толь нѣжный,
Сказали мнѣ: пиши, питомецъ Музъ надежный!
Тальботъ, Зоммерсъ меня не презрѣли внимашъ,
И важный Аршербуръ улыбкой ободряшъ;
Великодушный Гаршъ былъ мой путеводитель,
Конгревъ меня хвалилъ, Свифтъ не былъ мой
хулишель,
И Болингброкъ, сей мужъ достойный вѣчныхъ
хвалъ,
Другъ старца Драйдена съ восторгомъ обнималъ
Въ отважномъ мальчикѣ грядущаго Поэта.
Цвѣти же мой вѣнокъ ты безконечны лѣта!
Я счастливъ, я къ себѣ склонялъ безсмертныхъ
взглядъ;
По нимъ и мой талантъ и сердце оцѣняшъ;
Чтожъ послѣ мнѣ Бурнетъ и всѣ ему подобны?

Ты помнишь первые стихи мои незлобны:
Тогда еще не смѣлъ порокъ я порицать,
А только находилъ утѣху рисовать
Цвѣточки, ручеекъ журчащій средь долины;
Обидны ли кому столь милыя карпины?
Однакожъ и тогда Гильдонъ меня ругалъ.
Увы! онъ голоденъ, Богъ съ нимъ! я отвѣчалъ.

За критику моихъ стиховъ я не сержуся:
Надъ вздорною смѣюсь, отъ правильной учуся;
Но кто нашъ Аристархъ, кто важные судьи,
Которыхъ препешать должны стихи мои?

Обильные творцы бесплодныхъ примѣчаній,
 Успавщики кавыкѣ, всѣхъ спрочныхъ препинаній.
 Терпѣньемъ, памятью, они богаты всѣмъ,
 Окромѣ разума и вкуса, — между тѣмъ
 И мертвымъ и живымъ судъ грозный изрекають,
 Сіяніемъ чужимъ свой мракъ разсѣвають
 И сѣдиненіемъ безвѣстныхъ ихъ имянъ
 Съ славнѣйшими дойдуть до будущихъ временъ.
 Такъ въ амбрѣ червячковъ мы видимъ и соломѣ,
 Но кромѣ кришиковъ, уйду ли я отъ грому
 Писателей, и чѣмъ себя отъ нихъ спасаю?
 И дѣльно! для чего ихъ цѣну открывать?
 Но Тирса я хвалилъ, а недоволенъ мною,
 За то, что слишкомъ Тирсъ доволенъ самъ собою.
 Хваля писателя попребно намъ открывъ
 Не то, каковъ онъ есть, но самъ чѣмъ хочетъ
 бытъ.

Увядшія красы портретъ всегда несходенъ:
 Ея и лобъ и глазъ, а говоришь: негоденъ.
 Одинъ карячится, надувшись дичь несетъ,
 И то высокостью Поэзіи зоветъ;
 Другой рисовкою бытъ хочетъ опличаемъ;
 Иной мешаеорой, и вѣкъ непонимаемъ;
 А эшотъ навсегда разсоряся съ стыдомъ
 До самой старости живетъ чужимъ добромъ;
 Въ годъ собственныхъ стиховъ напишетъ намъ
 съ десятокъ,
 И то, чтобъ показать въ талантъ недостатокъ;
 Обновы Музъ шьетъ изъ разныхъ лоскутковъ,
 Щечится, трашитъ скупъ, а все изъ бѣднѣйшихъ.
 Скажи же, что они удачно выбираютъ:
 Какой поднимутъ вопль! вотъ какъ пѣвцовъ
 ругаютъ!
 Всѣ въ голосъ закричатъ: да и чего хотимъ?
 И самый Аддисонъ прострѣленъ будетъ имъ. —

Пускай же мрутъ они въ безвѣстности презрѣнной.

Но естли я скажу, что авторъ есть почтен-
 Исполненъ разума, умѣющій равно (ной,
 Какъ мыслить, такъ и жить, которому дано
 Въ словахъ пріятнымъ быть, въ твореніяхъ вы-
 сокимъ

И ловкость сѣдинять съ ученіемъ глубокимъ;
 Онъ къ чести щекошливъ, въ изящное влюбленъ,
 Рожденъ бытъ счастливымъ, для славы сотворенъ,
 Но думаетъ, какъ всѣ властители Зерафа,
 Что крѣпокъ скиптръ въ рукахъ удавкой поль-
 ко брата;

Надменъ къ соперникамъ, но въ сердцѣ къ нимъ
 ревнивъ,

Бранитъ съ учтивостью, коварствуетъ хваливъ,
 Улыбкою грозитъ, лаская ненавидитъ,

Украдкою язвитъ, но явно не обидитъ;

Наукамъ долженъ всѣмъ, а гонитъ ихъ въ другомъ;

На Пиндѣ онъ министръ, въ Виндзорѣ острякомъ;

Считаетъ крипику проступкомъ уголовнымъ,

Вершитъ и властвуетъ народомъ стихословнымъ

Въ сенапикѣ своемъ, какъ другъ его Катонъ (*) —

Смѣетесь? — плачьте же: сей авторъ... Аддисонъ.

Ахъ, кѣмъ не пораженъ симъ жалкимъ сочепаньемъ

Столь малыя души съ столь рѣдкимъ дарованьемъ!

На что притворствовать? я самъ самолюбивъ,
 И обществу скучаю стихами не лѣнивъ;

* Смерть Катона, Трагедія, описываемаго здѣсь
 Автора.

Конечно и мои различныя творенья,
 Въ листахъ и мокрыя, лишь только изъ писненъ,
 Гуляюшъ въ Лондонѣ у дрягилей въ рукахъ,
 И пышный ихъ шишулъ приклеенъ на стѣнахъ
 По многимъ улицамъ; но не боюсь улики,
 Чтобъ въ глупой гордоспи, хотѣлъ я санъ владыки
 Присвоить самъ собой надъ пишущей толпой;
 Чтобъ новыя стихи сбиралъ по мостовой;
 Они родятся, мрушъ, а я объ нихъ не знаю;
 На лица эпиграммъ нигдѣ не распускаю,
 И тайно ничего въ печать не отдаю;
 Ни желчи на дѣла правительства не лью,
 Въ кофейныхъ я домахъ, болшанью посвященныхъ;
 Ни жребья не рѣшу піэсъ новорожденныхъ,
 Въ партерахъ заводя и ложахъ заговоръ;
 И проза и стихи, и самыхъ Музъ соборъ,
 Все мнѣ наскучило и все я уступаю
 Отъ сердца Бардусу. — Но кстапи вспоминаю:

Какъ Фебъ средъ чистыхъ дѣвъ сіяетъ съ
 двухъ холмовъ,
 Дебелый Меценатъ сидитъ въ кругу льстецовъ,
 И услаждается куренія ихъ паромъ;
 Святилище его, украшенно Пиндаромъ
 Съ опбитой головой, отверзсто лишь тому,
 Кто пишетъ вопреки и сердцу и уму,
 И каждый враль въ него вступаетъ безъ препоны.
 Отъ вкуса Бардуса тамъ всѣ берутъ законы;
 И чтобы разъ хотя попасъ къ его столу
 Иной по мѣсяцу поетъ ему хвалу.
 Таковъ-по Бардусъ нашъ! однакъжъ, кто повѣ-
 ритъ,
 Чтобъ тотъ, который всѣ дары такъ вѣрно
 мѣритъ,

Такъ ловишь, не нашелъ ихъ . . . въ Драйденъ
одномъ !

Но знатный господинъ съ ученьемъ и умомъ,
Не завпра, такъ впередъ вину свою познаешь :
Онъ голодомъ моришь, по Царски погребаетъ.

Вельможи ! славьшеся хвалами риѣмачей ;
Дарите щедро шѣхъ, кто васъ еще шупѣй ;
Любите подлость, ласку, невѣжество, Циббера,
Кричите, что ему не видано примѣра ;
Пускай онъ будетъ вашъ любимецъ и герой,
А добрый, милый Ге пусть остаётся мой.
Дай Богъ не знашь и мнѣ, какъ онъ, порабощенья ! —
О естли бы я могъ безъ рабства, обольщенья
Почтеннымъ быть всегда въ почтенномъ ремеслѣ,
Считать весь міръ друзей въ умѣренномъ числѣ,
Для утѣшенья ихъ употреблять всѣ силы,
Читая, что нравится, а видѣть, кто мнѣ милы,
На знашнаго глупца съ презрѣніемъ смотрѣть
И съ знатнымъ иногда свиданія имѣть !
Чего мнѣ болѣ ? я къ большимъ дѣламъ не сроденъ,
Спокоенъ, безъ долговъ, достатокъ мой свободенъ,
Читаю *Отче нашъ*, пишу, и по трудахъ
Я, слава Богу, сплю не бредя о списахъ,
И живъ иль нѣтъ Деннисъ, не думаю ни мало.

Не написали ль вы что новаго ? бывало
Жужжаешь мнѣ : — Боже мой ! какъ будто для письма
Я только и рожденъ ! въ васъ, право, нѣтъ ума,
Уже ль я не могу чѣмъ лучшимъ заниматься ?
Приспосой сироту, о другъ постарайся.
— “Вы были съ Свифтомъ ? Онъ мнѣ встрѣтился
сей часъ ;
Ужъ вѣрно что нибудь готовится у васъ ?” —

Божусь, что ничего, болтунъ и самъ божится:
 “Не вѣрю! . . . но вѣдь Попъ въ стихахъ не
 утаится!” —

И первый злой пасквиль, достойный бытъ въ огнѣ,
 Чрезъ два дни мой знатокъ приписываетъ мнѣ!
 Увы! и самый даръ Виргилія несносенъ,
 Когда невинности смиренной вредоносенъ,
 Злословитъ добраго и вводитъ въ краску дѣвъ;
 Пусть грянетъ на меня не медля Божій гнѣвъ,
 Коль скоро уязвлю въ словахъ или на лирѣ
 Хотя одиножды честнаго мужа въ мѣрѣ!
 Но баринъ съ рабскою и низкою душой,
 Скрывающій ее подъ леншою цвѣтной;
 Но злой, готовящій ко въ пагубный, но скрытной
 Таланту, красотѣ невинной, беззащитной;
 Но шаль, который всѣмъ тщеславяся швердитъ,
 Что онъ мой Меценатъ, что я его Пиндъ,
 Вездѣ мои стихи читаетъ и возноситъ;
 Когда же кто меня отъ зависти поноситъ,
 Тогда онъ промолчитъ, чтобъ не нажилъ враговъ;
 Который на часу и ласковъ и суровъ,
 И ежели не золъ, шакъ враль всегда готовой
 И тайну разболтаетъ для вѣспочки лишь новой,
 И злой давая полкъ мной выданнымъ стихамъ,
 Скажетъ: онъ метилъ въ васъ, придворнымъ гос-
 подамъ. —

Вотъ, вотъ мои враги! я вѣчный ихъ гонитель;
 Я бичъ, я ужасъ злыхъ, но добрыхъ защититель.

Спрашисъ меня Генлей! — какъ! этакъ часовой,
 Минутный червячокъ подъ пылью золой?
 Достояна ль бабочка бытъ въ морѣ потопленна?
 Такъ раздави жъ ногой ты червячка презрѣнна,
 Который возгордась, что ночью свѣтитъ онъ,
 Вездѣ ползетъ, явится и смрадомъ гонитъ вонъ,

Всѣ въ обществѣ цвѣты дыханьемъ изсушаетъ;
 Съ утра до вечера Генлей перелешаетъ
 Отъ Пинда къ Пафосу, какъ въпренный Зефиръ:
 Но хладенъ близъ красотъ, но глухъ къ согласью
 лиръ.

Такъ выученный песъ предъ дичію вершится,
 Тербишь, но вонзись зубовъ въ нее боится.
 Вглядись въ него: ябьюсь съ тобою объ закладъ,
 Какого рода онъ, не скажешь мнѣ въ попадъ?
 Мущина ль, женщина ль? не то, и ни другое,
 Едва ль и человѣкъ, а такъ... что-то живое,
 Которое всегда клеветаетъ иль поетъ,
 Иль свиститъ, иль хулу и на Творца несетъ;
 Премѣнивая шварь: въ кокетствѣ хуже дамы,
 То философствуетъ, то мечетъ эпиграммы,
 Предъ женщинами враль, предъ Государемъ
 льстецъ,

Сердечкинъ и нахалъ, и пышенъ и подлецъ.
 Таковъ прекрасная былъ Еввы искуситель,
 Невинности ея и рая погубитель:
 Взоръ Ангела имѣлъ сей ядовитый змѣй,
 Но даже и красой онъ ужасалъ своей;
 Для видовъ гордости привѣтливымъ казался
 И для щеславія смиренно пресмыкался.

Но кто по чувствіямъ сердечнымъ говоритъ,
 Привѣтливъ, а не подлъ, не гордъ, а сановитъ,
 И знаемъ безъ чиновъ, безъ знатности и злата?
 Поэтъ. Онъ ни за что не будетъ другъ разврата;
 Всегда великъ душой и мыслями высокъ,
 Ласкаетъ самимъ Царямъ считаетъ за порокъ.
 Онъ добродѣтели талантъ свой посвящаетъ,
 И въ самыхъ вымыслахъ пріятно поучаетъ;
 Стыдится быть врагомъ совѣстниковъ своихъ,
 Талантомъ лишь однимъ смиряетъ дерзость ихъ;

Съ презрѣніемъ глядитъ на ненависть безсильну,
 На мщеніе крипики, на злость вредомъ обильну,
 На промахъ иногда коварства и хулы,
 На ложную пріязнь и глупыя хвалы:
 Пускай сто разъ его ругаютъ и поносятъ,
 И глупости другихъ на щетъ его относятъ;
 Пусть безобразитъ кто, въ глаза его не знавъ,
 Въ эстампъ видъ его, иль въ сочиненіи нравъ,
 И естли не стихи, порочитъ ихъ уроки;
 Пускай не престають сплетать хулы жестоки
 На прахъ его отца, на изгнанныхъ друзей;
 Пусть даже, наконецъ, доводятъ до ушей
 И самага Царя, шишикалы придворны
 И толки злыхъ объ немъ и небылицы вздорны;
 Пусть ввѣкъ помятъ его въ плачевнѣйшей судьбѣ;
 О добродѣтель! онъ не измѣнитъ тебѣ:
 Онъ спраждаетъ за тебя, тобой и утѣшаемъ.
 — Но знашны мной бранимъ, но бѣдный прези-
 раемъ.

— Да, подлый человекъ, ктобъ ни былъ онъ такой,
 Есть подлъ въ моихъ глазахъ и ненавидимъ мной:
 Копѣйку ль онъ укралъ, иль близко миліона,
 Наемный ли писецъ, иль продавецъ закона,
 Подъ митрою ли онъ, иль просто въ клубѣ,
 За краснымъ ли сукномъ сидитъ, или въ шинкѣ;
 На колесницѣ ли торжественной гордится,
 Иль по икру въ грязи по мостовой тащится,
 Предъ трономъ, иль съ доской на площади стоитъ.

Однакожъ, эшотъ бичъ, который всѣхъ спра-
 шивъ,
 Готовъ на самага Денниса въ помъ сослаться,
 Что право онъ не столь ужасенъ; можетъ
 статься,

Признался бѣ и Деннисъ, когда бы совѣсть зналъ,
 Что даже и вралъ онъ бѣдность облегчалъ.
 Кричалъ: Попъ мстителенъ, Попъ въ гордости
 примѣромъ;
 А онъ столь гордъ, что пилъ съ Тибальдомъ и
 Цибберомъ!
 А онъ столь мстителенъ, что и за цѣлый томъ
 Ругательствъ, на него написанныхъ попомъ,
 Ни капли не хотѣлъ чернилъ терять напрасно!
 Въ угодность милой, *шалъ* бранилъ его всечасно,
 А онъ въ отмщенье желаетъ всей душой,
 Чтобъ эта милая была его женой.
 Но пусть Попъ виноватъ, и стоить осужденья;
 За чтожъ бранишь его виновниковъ рожденья!
 Кто смѣлъ обидчикомъ отца его назвать?
 Злословила ль объ комъ его смиренна мать?
 Не троньтежъ, подлецы, вы родъ его почтенной;
 Онъ будетъ знаменишь, доколѣ во вселенной
 Воздастся должная, правдивая хвала
 За добрыя стихи и добрыя дѣла.

Родители его другъ съ другомъ были сходны:
 И родомъ и душой не меньше благородны;
 А предки ихъ храня къ отечеству любовь,
 Стокрапно за него въ сраженьяхъ лили кровь.
 — Но что достатокъ ихъ? — не мздой приобрѣ-
 щенный,
 Законный: сей отецъ мной вѣчно незабвенный,
 Наслѣдникъ безъ обидъ, безъ спѣси дворянинъ;
 Супругъ безъ ревности, и мирный гражданинъ,
 Шелъ тихо по пуши незлобиваго вѣка;
 Онъ въ судъ ни одного не позвалъ челоуѣха,
 И клятвой ложныхъ правъ нигдѣ не утверждалъ;
 Онъ много о своихъ познаньяхъ не мечталъ;

Випійство все его вѣ помѣ только состояло,
 Чпо сердце завсегда словами управляло.
 Учпивѣ по добротѣ, отѣ опытовѣ ученѣ,
 Здоровѣ отѣ презвосты, трудами укрѣпленѣ,
 Онѣ знакомѣ старосны имѣлѣ одни сѣдины;
 Отецѣ мой долго ждалѣ часа своей кончины;
 Но скоро, не помясь духѣ Богу возвратилѣ,
 Какѣ будто сладкимѣ сномѣ при вечерѣ почилѣ.
 Создатель! дай его признательному сыну
 Подобно житію, подобную кончину,
 То вѣ зависѣ приведетѣ и Царскихѣ онѣ дѣтей.

Довольствуйся, мой другѣ, безпечностью своей;
 А мнѣ, лишенному спокойства не возвращно,
 Мнѣ сѣ меланколіей бесѣдовать пріятно.
 О есѣли бы могла сыновняя любовь
 Хоѣя у матери согрѣѣть остылу кровь,
 Прибавитѣ жизни ей, и на краю могилы
 Поддерживать ее скудѣющія силы,
 Покоитѣ, утѣшатѣ до смертнаго часа
 И опѣдаитѣ ее полетѣ на небеса!

Къ Графу Николаю Петровицу
Румянцову.

Что можетъ болѣе порадовать пѣвца,
Какъ въ лесной даръ принять отъ сына
Почтенный ликъ его безсмертнаго отца!
Мнѣ не позволила судьбина
Быть подвиговъ его пѣвцомъ;
Въ то время, какъ металъ онъ молнію и громъ,
Я бѣдный ратникъ былъ, не болѣ,
И видѣлъ не Парнасъ, но ратное лишь поле;
Я только пѣнію Петрова соплескалъ,
Который звучною трубою
Сквозь мрачны вѣки путь герою
Въ храмъ славы опверзалъ;
Но могъ либѣ я и днесъ быть чести сей достоинъ?
Довольно и того мнѣ жребія въ удѣлъ,
Что, рядовой на Пиндѣ воинъ,
Давно желанный ликъ героя пріобрѣлъ.
Украшу имъ свою смиренную обитель,
И глядя на него я въ мысляхъ буду зритель
Поверженныхъ градовъ Россіи ко стопамъ,
Дрожащихъ Агарянъ, окованныхъ Сарматовъ
И гибели по всѣмъ мѣстамъ
Надмѣнныхъ сопостатовъ
А есѣли отъ такой картины упомлюсь,
Тогда я къ сыну обращусь,
И тотъ часъ грустную мысль разсѣетъ лучъ спо-
койства:
Забуду въ мигъ слѣды печальныя геройства

И сладостной плѣненъ мечтой,
 Увижу въ райскомъ восхищенъ
 Всеобще дружество, любезность, просвѣщенъ,
 Весь міръ одной семьей, и всюду вѣкъ златой.

Н А Д П И С И.

I.

Къ портрету Ивана Ивановича Шувалова.

Съ цвѣтущей младости до сребреныхъ власовъ
Шуваловъ бѣднымъ былъ полезенъ;
Таланту каждому покровъ,
Почтенъ, доступенъ и любезенъ.

II.

Князя Италійскаго.

Суворова здѣсь ликъ искусство начерпало,
Да вѣдають его грядущи времена:
Едина царства имъ не стало *,
А премъ корона ошдана.

III.

Къ его же портрету.

Се Россѣ, Авгарянъ бичъ, Сарматовъ покоритель,
Защитникъ Австріи, Италіи спаситель.

* Польша.

IV.

Къ бронзовой статуѣ Фельдмаршала Графа
Румянцова-Задунайскаго, поставленной Графомъ
Заводовскимъ, въ его деревнѣ.

Почтенный ликъ! когдабъ ты былъ изображенъ
Съ перуномъ пламеннымъ на берегахъ Кагула,
Гдѣ гордый Музульманъ разперзанъ, низложенъ,
И гдѣ земля въ крови несчастныхъ жертвъ по-
нула ;

Тогда бы на тебя взирая каждый рекъ :
Румянцовъ славный вождь! — и мимо бы протекъ.
Но здѣсь, здѣсь всякъ тебя прохожій лобызаешъ :
Здѣсь не герой въ тебѣ блистаетъ
Прославившій себя единою войной,
Обрызганъ кровію враговъ среди сраженій ;
Но другъ, но ближній мой
И благотворный Геній !

V.

Къ памятнику мореходца Шелехова.

Какъ царства падали къ стопамъ Екатерины:
Россѣ Шелеховъ безъ войскъ, безъ громоносныхъ
силъ
Пустился въ новый свѣтъ чрезъ бурныя пучины,
И три народа * Ей, и Богу покоришь.

* Ахмохметы, Коняки и Афогнаки, которыхъ большая часть обращена въ Христіанскую вѣру.

Б А С Н И.

Дубъ и Трость.

Дубъ съ тростію вступилъ однажды въ разговоры:
 Жалбю, дубъ сказалъ, склоня къ ней важны взоры:
 Жалбю, проспочка, объ участи твоей;
 Я чаю, для тебя тяжелъ и воробей;
 Легчайшій вѣтерокъ едва спруящій воду,
 Ужасенъ для тебя, какъ буря въ непогоду,
 И гнетъ тебя къ земли,
 Тогда, какъ я — высокъ, осанистъ и въ дали —
 Не только Фебовы лучи пересѣкаю,
 Но даже бурный вихрь и громы презираю;
 Стою, и слышу вокругъ спокойно прескѣ и спонѣ;
 Всѣ для меня Зефиръ, тебѣ жъ всѣ Аквилонѣ.
 Блаженна бѣ ты была, когда бѣ росла со мною;
 Подъ тѣнью моею густою
 Ты бѣ не спрашилась бурь, но рокъ тебѣ судилъ
 Расти на мѣсто злачна дола,
 На топкихъ берегахъ владычества Дола.
 По чести! и вѣменя швой жребій грусть вселилъ —
 Ты очень жалоспливъ, просъ дубу отвѣчала:
 Но, право, о себѣ еще я не вздыхала,
 Да не о чемъ и воздыхашъ;
 Мнѣ вѣпры менѣе, чѣмъ для тебя опасны.
 Хотя порывы ихъ ужасны
 И не могли тебя до днесъ поколебашъ,
 Но подождемъ конца. — Съ симъ словомъ вдругъ
 Отъ Сѣвера гроза, и небо помрачила; (завыла
 Ударилъ грозный вѣтръ — все рушилъ и валилъ;

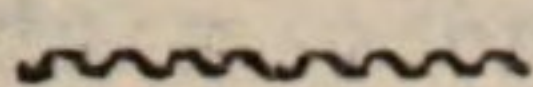
Летитъ, кружится листъ, простъ гнется —
 дубъ споймъ.
 Вѣтръ пуще вооружасъ, изъ всей ударилъ мочи —
 И толъ, на коего съ трудомъ взирали очи,
 Кто ада и небесъ едва не досягалъ...
 Упалъ.

Пѣтухъ, Котъ и Мышенекъ.

О дѣти, дѣти! какъ опасны ваши лѣта!
 Мышенекъ не видавшій свѣта,
 Попалъ было въ бѣду, и вошъ какъ онъ объ ней
 Разказывалъ въ семьѣ своей:
 “Оставя нашу нору
 И перебравшись чрезъ гору,
 Границу нашихъ странъ, пустился я бѣжать
 Какъ молодой мышенокъ,
 Который хочеть показать,
 Что онъ ужъ не ребенокъ.
 Вдругъ съ розмаху на двухъ живописныхъ набѣжалъ:
 Какія звѣри, самъ не зналъ!
 Одинъ такъ смиренъ, добръ, такъ плавно выступъ —
 Такъ миловиденъ былъ собою! (палъ,
 Другой — нахалъ, крикунъ; шеперь лишь, словно,
 съ бою,
 Весь въ перьяхъ; у него косматый крюкомъ хвостъ;
 Надъ самымъ лбомъ дрожитъ наростъ
 Какой-то огненнаго цвѣта,
 И такъ, ... какъ двѣ руки, служащи для полета;
 Онъ ими такъ махалъ,
 И такъ ужасно горло дралъ,

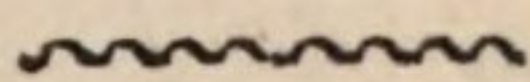
Что я таки не трусь, а подавай Богъ ноги —
 Скорѣе отъ него съ дороги!
 Какъ больно! безъ него я вѣрно бы въ другомъ
 Нашелъ наставника и друга;
 Въ глазахъ его была написана услуга.
 Какъ тихо шевелилъ пушистымъ онъ хвостомъ!
 Съ какимъ усердіемъ бросалъ ко мнѣ онъ взоры
 Смиранны, крошкѣ, но полныя огня!
 Шерсть гладкая на немъ, почти какъ у меня;
 Головка пестрая, и вдоль спины узоры;
 А уши какъ у насъ, и я по нимъ сужу,
 Что у него должна быть симпатія съ нами,
 Высокородными мышами.“ —
 “А я тебѣ на то скажу“ —
 Мышенка мать оспановила, —
 “Что эшотъ доброхотъ,
 Котораго тебѣ наружность такъ прельстила,
 Смиранныкъ эшотъ — котъ!
 Подъ видомъ кротости, онъ врагъ нашъ, злой
 губитель;
 Другой же былъ пѣпухъ, смиренный куръ лю-
 битель.
 Не только отъ него не видимъ мы вреда,
 Иль огорченья,
 Но самъ онъ пищей намъ бываетъ иногда.
 Впередъ же по виду не дѣлай заключенья!

Змѣя и Піявица.

Какъ я несчастна,
И какъ завидна часть твоя!
Однажды говоритъ пиявицъ змѣя:
Ты у людей въ чести, а я для нихъ ужасна;
Тебѣ охотно кровь они свою даютъ;
Меня же всѣ бѣгутъ, и, естли могутъ, бьютъ;
А кажется равно мы съ ними поступаемъ:
И ты и я, людей кусаемъ.
Конечно, былъ на то пиявицынъ отвѣтъ:
Да въ цѣли нашей сходства нѣтъ
Я, на примѣръ, людей къ ихъ пользѣ уязвляю,
А ты для ихъ вреда;
Я множество больныхъ чрезъ это изцѣляю,
А ты и не больнымъ смертельна завсегда.
Спроси самихъ людей: всѣ скажутъ, что я права;
Я имъ лекарство, ты оправа. —
Смыслъ этой басенки вспрѣчается поэтъ часъ:
Не по ли кришика съ сапирою у насъ?

Ласточка и Птички.

Лешунья ласточка и шамъ и сямъ бывала,
Про многое слыхала,
И многое видала,
А потому она
И болѣ многихъ знала.
Пришла весна

И стали сбѣять ленѣ. “Не по сердцу мнѣ это,
 Пичужечкамѣ она твердитѣ:
 Сама я не боюсь; но васѣ жаль: придетѣ лѣто,
 И это сбѣмя вамѣ напасши породитѣ:
 Произведетѣ силки и сбѣшки,
 И будетѣ вамѣ виной
 Иль смерти иль неволи злой;
 Страшитѣсь вертела и клѣшки!
 Но умѣ поправитѣ все, и вопѣ его совѣтѣ:
 Слепитѣсь на загонѣ и выключите все сбѣмя.” —
 “Пустое! размѣясь вскричало мѣлко племя:
 Какѣ будто намѣ вѣ поляхѣ другаго корма нѣтъ!”
 Чрезѣ сколько дней попомѣ, не знаю,
 Ленѣ вышелѣ, началѣ зеленѣть,
 А ппичка ту же пѣсню пѣть.
 “Эй худу бытъ! еще вамѣ ппички предвѣщаю:
 Не дайте льну созрѣть;
 Вонѣ сбѣ корнемѣ, или вамѣ придетѣ дождатѣсь
 “Молчи, зловѣщая ввалиха! (лиха!” —
 Вскричали ппички ей:
 Ты думаешь легко выщипывать все поле!” —
 Еще прошло сбѣ десятокѣ дней,
 А можетѣ и гораздо болѣ,
 Ленѣ выросѣ и созрѣлѣ. —
 “Ну, ппички, вопѣ ужѣ ленѣ поспѣлѣ,
 “Какѣ хотите, меня зовите,
 Сказала ласпочка, а я вѣ послѣднѣй разѣ
 Еще пришла наставитѣ васѣ:
 Теперь того и ждите,
 Что пахари начнутѣ хлѣбѣ сбѣ поля убирать,
 А послѣ сбѣ вами воевать:
 Силками васѣ ловитѣ, изѣ ружей убивать,
 И сбѣтѣю покрывать;
 Избавитѣсь жѣ таково бѣдствѣ,
 Другаго нѣтъ вамѣ средствѣ,

Какъ далѣ, далѣ прочь. Но вы не журавли,
 Для васъ вѣдь море край земли;
 Такъ лучше ближе приюшиться,
 Забьсья вѣ гнѣздышко, да вѣ немѣ не шевелить-
 “Пошла, пошла! другихъ спращай (ся.—
 Своимъ ты вздоромъ!
 Вскричали ппашечки ей хоромъ:
 А намъ гулять ты не мѣшай.” —
 И такъ они вѣ поляхъ лешали, да лешали,
 Да вѣ клетку и попали. —
 Всякъ только своему разсудку вѣ слѣдѣ идетъ,
 А вѣруетъ бѣдѣ не прежде, какъ придетъ.

Д в а д р у г а .

Давно уже, давно два друга гдѣ-то жили:
 Одну имѣли мысль, одно они любили,
 И каждый часъ
 Другъ съ друга не спускали глазъ;
 Все вмѣстѣ, только ночь одна ихъ разводила;
 Но нѣтъ, и вѣ ночь душа съ душою говорила.
 Однажды одному приснился спрашный сонъ;
 Онъ вѣ мигъ изъ дому вонъ,
 Бѣжитъ встревоженный ко другу,
 И будитъ. — Тотъ вскочилъ,
 Какую пребуешь услугу?
 Смущаясь онъ говорилъ:
 Такъ рано никогда мой другъ не пробуждался!
 Что значитъ твой приходъ? иль вѣ каршы про-
 игрался?

Вотъ вся моя казна! иль кѣмъ ты огорченъ?
Вотъ шпага! я бѣгу, — Умру, иль ты опмщенъ! —
Нѣтъ, нѣтъ, благодарю, не это, ни другое,
Другъ нѣжный отвѣчалъ: оспанься ты въ покоѣ;

Проклятый сонъ всему виной!

Мнѣ снилось на зарѣ, что другъ печаленъ мой,
И я... я столько тѣмъ смушился,

Что потчасъ пробудился

И прибѣжалъ къ тебѣ, чтобъ успокоить духъ —
Какой безцѣнный даръ, прямой, сердечный другъ!
Онъ всякія къ твоей услугѣ ищетъ средства;
Отгадываетъ грусть, предупреждаетъ бѣдства;
Его бездѣлка, сонъ, ничто приводитъ въ страхъ —
Другъ въ сердцѣ, другъ въ умѣ, — и онъ же на
устахъ!

Летучая Рыба.

Есть рыбы, говорятъ, которыя летаютъ —
Не бойтесъ, я хочу не Плинія читать,
А только вамъ сказать,
Что и у рыбъ бывають
Такіе жѣ мудрецы и прусы, какъ у насъ.
Вотъ и примѣръ для васъ:
Одна изъ рыбъ такихъ и день и ночь грустила
И бабушкѣ своей швердила:
Ахъ, бабушка! куда отъ злобы мнѣ уйти?
Гоненія и смерть повсюду на пуши!

Лишь только я лешать, орлы клюютъ носами,
Нырну въ глубь моря, тамъ встрѣчаема волками!*

Старуха ей въ отвѣтъ:

Что дѣлать, дитяшко! таковъ ужь здѣшній
себѣ!

Кому не суждено орломъ быть, или волкомъ,
Тому одинъ совѣтъ, чтобъ избѣжать бѣды:
Держись всегда своей пропинки тихомолкомъ,
Плывя близъ воздуха, лешая близъ воды.

Мышь, удалившаяся отъ свѣта.

Восточны жилили въ преданіяхъ своихъ,
Разсказываютъ намъ, что нѣкогда у нихъ
Благочестива мышь, наскуча суею,

Слѣпаго счастья игрою,

Оставила сей шумный міръ,

И скрылась отъ него въ глубокую пещеру:

Въ Голландской сырѣ.

Тамъ святошью одной свою пишая вѣру,

Къ спасенію души прудиться начала:

Ногами

И зубами

Голландской сырѣ скребла, скребла,

И выскребла досужнымъ часомъ,

Изрядну келійку съ достаточнымъ запасомъ.

* Иные натуралисты называютъ ихъ же собаками.

Чего же болѣе? въ такихъ-то мышъ трудахъ,
Развѣлась такъ, что спрахъ!

Короче: на порогъ рая.
Самъ Богъ блюдетъ того,
Кто обѣщался быть его!

Однажды предъ нее предстало воздыхая
Посольство отъ ея любезныхъ земляковъ;
Оно идетъ просить защиты отъ дворовъ

Противу кошечья народа,
Который вдругъ на ихъ республику напалъ
И *Крысоломцы* ихъ въ осадѣ ужъ держалъ. —

“Всеобща бѣдность и невзгода,
Посольство говоритъ: причиною, что мы
Несемъ пустыя лишь суммы;

Что было съ нами, все пробли,
А путь еще далекъ! и для того посмѣли
Зайти къ шебѣ, и бить челомъ,
Снабдить насъ въ крайности посильнымъ по-
даяньемъ. —

Запворница на то съ душевнымъ состраданьемъ,
И руки положи на грудь свою крестомъ,
Возлюбленны мои! смиренно отвѣчала:

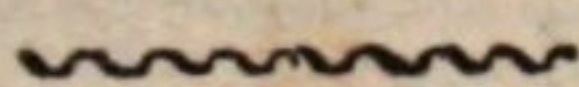
Я отъ житейскаго давно уже отспала;
Чѣмъ, грѣшная, могу помочь?

Да низпошлетъ вамъ Богъ! а я и день и ночь
Молю его за васъ готова —

Поклонъ имъ, заперлась, и болѣе ни слова.

Кто, спрашиваю васъ, похожъ на эту мышъ? —
Браминъ? — избави Богъ и думать! нѣтъ, Дервишъ.

Чирикъ и Зяблица.

Чиръ свилъ себѣ гнѣздо, и сидя въ немъ поетъ:

“Ахъ! скороль солнышко взойдетъ,

И съ домикомъ меня застанетъ?

Ахъ! скоро ли оно проглянетъ?

Но вотъ ужъ и вошло! какъ тихо и красно!

Какая въ воздухѣ, въ дыханьѣ, въ жизни сладость!

Ахъ! я такого дня не видывалъ давно.” —

Но безъ товарища и радость намъ не въ радость:

Желаешь для себя, а ищешь раздѣлить!

“Любезна зяблица! кричишь мой чиръ сосѣдъ,

Смирено прикорнувшей къ вѣткѣ:

“Что ты задумалась? давай-ка день хвалишь!

Смотри, какъ солнышко, . . . — но солнце вдругъ
сокрылось,

И небо тучами оплсвсюду обложилось,

Всѣ птицы спрятались, кто въ гнѣзды, кто въ
рѣку,

Лишь галки стаями гуляютъ по песку,

И крикомъ бурю вызываятъ,

Да ласпочки еще надъ озеромъ летаютъ.

Быкъ шею вытянувъ подъ плугомъ заревѣлъ,

А конь поднявши хвостъ и размешавши гриву

Ржетъ, пышетъ и лепитъ чрезъ ниву.

И вдругъ ужасный вихрь со свистомъ восшумелъ!

Со трескомъ грянулъ громъ, ударилъ дождь со
градомъ,

И пали пастухи со стадомъ.

Потомъ прошла гроза и солнце разцвѣло,

Все стало ярче и свѣплѣе,

Цвѣты душистѣе, деревья зеленѣе,

Лишь домикъ у чижа куда-то занесло.

О бѣдненькой мой чижѣ! онѣ мокрыми крылами
На силу шевеля къ сосѣдушкѣ лепишѣ,
И ей со вздохомѣ и слезами
Носокѣ повѣся говоритѣ:
“Ахѣ! всякѣ своей бѣдой ума себѣ прикупитѣ!
Впредѣ утро похвалю, какѣ вечерѣ ужѣ наступитѣ.”

Оселѣ, Обезьяна и Крошѣ.

Не диво ли? оселѣ вдругѣ ипохондрикѣ сталѣ!
Зарюмилѣ, зарычалѣ:
За чемѣ правосудны боги
Быкамѣ крупные дали роги,
А онѣ рожденѣ безѣ нихѣ, а онѣ безѣ нихѣ умретѣ.
Дуракѣ дурацкое и вретѣ:
Онѣ видно думалѣ, что вѣ народѣ
Рога вѣ великой модѣ.
Какѣ обезьяну намѣ уняшѣ,
Чтобѣ ей чего не переняшѣ?
Ну, и она богамѣ пеняшѣ:
За чѣмѣ, къ ея стыду, печали
Они ей хвостѣ корешкомѣ дали. —
А я и слѣпѣ! — зажмите жѣ ротѣ,
Сказалѣ имѣ высунясь изѣ норки бѣдный крошѣ.

Старикъ и трое Молодыхъ.

Одинъ старикъ въ саду рылъ яму и кряхтѣлъ:
 Онъ дерево садить хотѣлъ;
 А трое молодыхъ, зѣвая на работу,
 Смѣялися надъ нимъ. — Какую же охоту
 На старости Богъ далъ!
 Одинъ изъ нихъ сказалъ.
 Другой прибавилъ: чѣмъ? еще не опоздалъ,
 Ковчегъ и большаго терпѣнья споилъ Ною. —
 Смѣшонъ ты, дѣдушка, съ надеждою пустою!
 Примолвилъ претій старику:
 Довольно, кажется, ты пожилъ на вѣку;
 Когдажъ тебѣ дождатся,
 Подъ тѣнью дерева въ Юлѣ прохлаждатся?
 Ровесникамъ твоимъ и настоящій часъ
 Невѣренъ,
 А завтра льстить себя оставь уже ты насъ. —
 Совѣтъ довольно здравъ, довольно и умѣренъ
 Для мудреца въ шестнадцать лѣтъ!
 Повѣрьте мнѣ, друзья, старикъ сказалъ въ отвѣтъ,
 Что завтра ни мое, ни ваше;
 Что Парка блѣдная равно
 Взираетъ на теченье наше.
 Отъ провидѣнія намъ вѣдать не дано,
 Кому изъ насъ оно судило
 Послѣднему взглянуть на ясное свѣтило!
 Не можете и вы надежны быть, какъ я,
 Ниже на мигъ одинъ... работа же моя
 Не мнѣ, такъ дѣшамъ пригодится!
 Чувствительна душа и въ чужѣ веселился;
 И такъ вы видите, что мной ужъ собранъ плодъ,

Кошорымъ я могу теперъ же наслаждаться,
 И завтра, можетъ статься,
 И далѣе... Какъ знать? быть можетъ, что и
 годъ,
 Ахъ! можетъ быть и то, что вашъ безумецъ
 хилой

Заспанетъ мѣсяца восходъ
 Надъ вашей розами усыпанной... могилой! —
 Спарикъ предчувствовалъ: одинъ прельстясь
 пескомъ —
 Конечно золотымъ — уснулъ на днѣ морскомъ;
 Другой подъ мирсами исчезъ въ цвѣтущи лѣна,
 А третій, — дворянинъ за честь къ опмщенью
 скоръ —
 Войдя съ пріятелемъ въ театръ въ легкой споръ,
 За креслы, помнится, ... убилъ изъ пистолета.

Жаворонокъ съ дѣтьми и Земледѣлецъ.

Пословица у насъ: на ближнихъ уповай,
 А самъ ты не плошай!
 И правда, вошъ примѣръ: въ прекрасныя дни года,
 Въ кошорыя цвѣтешъ и нѣжится природа,
 Когда все любится: медвѣдь въ лѣсу густомъ,
 Кишы на днѣ морскомъ,
 А жаворонки въ полѣ,
 Не вѣдаю того, по волѣ иль неволѣ;
 Но самочка одна
 Изъ племя жавронковъ лешала, да гуляла,

И о вліяніи весны не помышляла,
 А ужъ давно весна !
 Сдалася наконецъ природѣ и она,
 И маперью еще назваться захопѣла ;
 У птичекъ много ли затѣй ?
 Свила во ржи гнѣздо, снесла яичекъ, сѣла,
 И вывела дѣтей.
 Рожъ выросла, созрѣла,
 А пшеньчики еще не въ силахъ ни порхать,
 Ни корма доставать ;
 Все мапушка ищи. — Ну, дѣтушки, прощайте !
 Я за припасомъ полечу,
 Сказала имъ она, а вы здѣсь примѣчайте,
 Не соберутся ль жать, и потчасъ голосъ дайте ;
 Такъ я другое вамъ пристанище сыщу. —
 Она лишь изъ гнѣзда, пришелъ хозяинъ въ поле,
 И сыну говоритъ : вѣдь рожъ и жать пора ;
 Смотри, какъ матера !
 Спупай же мы не медля болѣ,
 И попроси друзей на помочъ къ намъ припши. —
 Ахъ, мапушка, леши ! скорѣе къ намъ леши !
 Малюшки въ страхъ запищали : —
 Что, что вамъ сдѣлалось ? — ахти ! мы всѣ пропа-
 Хозяинъ былъ, онъ хочетъ жать ; (ли ;
 Ужъ сыну и друзей велѣлъ на помочъ звать. —
 А болѣ ничего ? отвѣтствовала мать :
 Такъ не къ чему спѣшитъ ; *день ногъ мудренѣе,*
 Вотъ, дѣтушки, вамъ кормъ : покушайте скорѣе,
 Да ляжемъ съ Богомъ спать ! они тово, сево
 Клевнули,
 Прижались подъ крыло къ родимой, и уснули.
 Ужъ день, а изъ друзей нѣтъ въ полѣ ни ково.
 Пичужечка опять пустилась за припасомъ,
 А мужичокъ на рожъ,
 И сыну говоритъ : пословица не ложъ :
 Съ чужими не доставать и корки хлѣба съ квасомъ ;

Поди-ка ты къ роднѣ, да свату поклонись! —

Малюшки пуще взволновались,
И матери во слѣдѣ всѣ въ голосѣ разкричались:
Ахѣ! милая, скорѣй! родима, воропись!

Ужѣ за родней пошли. — Молчите, не пугайтесь!
Отвѣтспивовала мать, и съ Богомѣ оставайтесь —

Еще проходитѣ день, хозяинѣ въ третій разѣ
Приходитѣ на поле. — Изрядно учатѣ насѣ,

Онѣ сыну говоришѣ: и дѣльно! впредѣ не спанемѣ
Сѣ надеждою зѣвать, а поскорѣй вспомняемѣ,

Что всякой самѣ себѣ вѣрнѣйшій другѣ и братѣ;
Ступай же ты назадѣ,

И матери скажи съ сестрами,
Чтобѣ на поле пришли съ серпами —

А ппичка, слыша то, сказала дѣтямѣ такѣ:
Ну, дѣшки! вотѣ теперѣ къ походу вѣрный

знакѣ. —
И дѣши въ томѣ же мигѣ скорѣй, скорѣй сби-

рашья;
Разправя крылья въ первый разѣ

За машкой кое-какѣ вверхѣ, вверхѣ приподни-
матся

И скрылися отѣ глазѣ.

Истуканъ и Лиса.

Оселъ, какъ скотъ простой,
Глядитъ на истуканъ пустой,
И лижетъ позолоту;
А хитрая лиса взглянувши на работу
Прилѣжно раза два,
Пошла и говоритъ: прекрасна голова!
Да жаль, что мозгу нѣтъ! — Безмозглые вельможи!
Не правда ли, что вы съ симъ истуканомъ схожи?

С о в ѣ с т ь.

Не шигръ, а человекъ, — и сынъ . . . убилъ отца!
Убилъ, но никому не вѣдомо то было;
Однакожъ сердце въ немъ уныло,
Завянулъ цвѣтъ лица,
Спалъ робокъ, одичалъ, и наконецъ сокрылся
Въ дремучіе лѣса;
Однажды, между шѣмъ какъ онъ бродилъ, помился,
Попалося ему въ глаза
Воробышковъ гнѣздо; онъ подобралъ каменья
И началъ въ нихъ лукашь;
Прохожій видя то и выйдя изъ терпѣнья
Кричитъ ему: почто невинныхъ убиваешь?

Какъ! онъ ошвѣстивуешъ, легка ли небылица?
Проклятые кричатъ, что я опцеубійца!
Прохожій на него бросаетъ строгій взоръ;

Онъ весь прясется и блѣднѣетъ,
Злодѣйство на челѣ часъ отъ часу яснѣетъ,
Винишся, и вкусилъ со смертію позоръ.
О совѣсть! добрыхъ душъ послѣдняя подруга!

Гдѣ уголокъ земнаго круга,
Куда бы не проникъ твой гласъ?
Неумолимая! вездѣ ты найдешь насъ.

Орелъ, Китъ, Ужъ и Устрица.

Орелъ парилъ подъ облаками,
Китъ волны разсѣкалъ, а ужъ ползъ по земли;
И всѣ, что рѣдкость между нами,
О томъ и думать не могли,
Чтобъ позавидовать чужой на свѣтѣ долъ;
Однакожъ говоришь и мыслишь въ нашей волѣ,
И устрица моя ни мало невинна,

Что глядя на шово, другова
Возспала на судьбу она:
Тьфу пропасть! вскрикнула, не ужель никакова
Таланта не дано лишь только мнѣ одной?
Дай полечу и я!... нѣтъ, это даръ не мой;
Дай поплыву! — все идетъ хило;
Хоть пополземъ — ни шупъ-то было,
А что и эшова досаднѣ сто разъ:
Подкрался водолазъ,

Который видно что подслушалъ,
Схватилъ ее, да въ рошъ и на здоровье скушалъ.
Вотъ такъ-то весь нашъ вѣкъ
Въ пустыхъ желаньяхъ погибаетъ!
И рѣдкой человѣкъ
Доволенъ участію бываетъ.
“Изрядно, но... авось и лучшее найду” —
А смотришь: и нашелъ бѣду.

Дряхлая Старость.

Возможно ли, какъ въ тридцать лѣтъ
Перемѣнилось все!... ей, ей другой спалъ свѣтъ!
Подагрикъ размышлялъ на креслахъ няньча ногу:
Бывало въ наши дни и помолился Богу,
И погулять, всему былъ часъ;
А нынѣ, ... что у насъ?
Повсюду скука, да заботы,
Ни пляшутъ, ни поютъ. — Нѣтъ ни къ чему охоты!
Такаяль въ старину бывала и весна?
Гдѣ нынѣ красны дни? гдѣ слышно пшичекъ пѣнье?
Охъ миѣ! знать пришли послѣдни времена,
Предвижу я швое, природа, разрушенье!
При эшомъ словѣ вдругъ съ восторгомъ на лицѣ
Племянница къ нему вбѣжала:
“Просшите, дядюшка! насъ матушка послала
Съ мадамой въ лѣтній садъ. — Всѣ, всѣ ужъ на
крыльцѣ,
Какой же красный день!” и въ мигъ ее не спало. —

Какая вѣтреность! вотъ модные умы!
Мудрецъ нашъ заворчалъ: такими ли, бывало,
Воспитывали насъ? мой Богъ! все хуже стало.—
Чишатели! подагрикъ... мы.

Придворный и Протей.

Издавна говорятъ, что будто царедворцы
Для пользы отечества худые работорцы;
А я въ защиту ихъ скажу, что въ старину
Придворный именно спасъ цѣлую страну,
А вотъ какъ это и случилось:
Былъ моръ, изъ края въ край все царство зара-
зилось;
И рабъ и господинъ и попъ, лейбмедикъ самъ...
Все мретъ; а срокъ бѣдамъ
Зависѣлъ отъ ума Протей;
Но кто къ нему пойдетъ? кривляка этакъ богъ
И прыжкахъ дѣлывалъ безъ ногъ,
Различны виды братья умѣя.
Изъ тысячей гражданъ одинъ былъ только смѣлъ,
Хотя онъ при дворѣ возросъ и посѣдѣлъ,—
Ищи на всякой спрехъ, во что бы то ни стало.
Увидя рыцаря Протей запрепешалъ
И въ мигъ какъ не бывалъ,
А выползла змѣя прекрасная, скрывъ жало,
Куда какъ мудрено!
Сказалъ съ усмѣшкою придворный:

Я ползашъ и колошъ ужъ выученъ давно. —

И кинулся герой проворный
Ловишь Прошея — тошъ вдругъ обезьяной спалъ,
Тамъ волкомъ, тамъ лисою. —

Не хвастайся передо мною,
И этому гораздъ, придворный говорилъ,
А между шѣмъ его веревкою крушилъ,
Скрутя же говоришь легко его заставилъ
И цѣлую страну отъ мора шѣмъ избавилъ.

М о л и т в ы.

Благочеспивый мужъ стоялъ въ предверьи храма
Во ожиданіи жреца,
Чтобъ горстью фиміама
Почшишь вселенныя Творца
И вознести къ нему смиренные обѣты:
Онъ въ море оппустилъ пять съгрузомъ кораблей,
Осправилъ на войну любимыхъ двухъ дѣтей,
Въ цвѣщущія ихъ лѣты
И ждалъ часъ отъ часу отъ милыя жены
Любови новаго залога.

Довольно и одной послѣднія вины
Къ тому, чтобъ вспомнишь Бога.
Увидя съ улицы его одинъ мудрецъ,
Зашелъ въ преддверіе и спалъ надъ нимъ смѣясь,
Возможно ль, говоришь, какой ты образецъ!
Тебѣ ли съ чернію равняться?

Ты умный человекъ, а вѣришь въ томъ жрецамъ,
 Что наше пѣніе доходитъ къ небесамъ!
 Невѣдомый, кто всей громадой міра правитъ,
 Кто взглядомъ можетъ все творенье изпребитъ,
 Восхочетъ ли на то вниманье обратишь,
 Что непримѣтный червь его жужжаньемъ славитъ?
 Подите прочь, ханжи, вы съ ладономъ своимъ!
 Вы истинныя вѣры чужды.

Молишвы!... нѣтъ тому въ нихъ нужды,
 Кто мудрыми боготворимъ. —

Поспой! здѣсь набожный его перерываетъ:

Не истощай ты силъ своихъ;
 Что Богу нужды нѣтъ въ молитвахъ, всякой
 знаетъ,
 Но можноль намъ прожить безъ нихъ?

Нищій и Собака.

Большой боярской дворъ собака стерегла;
 Увидя старика входящаго съ сумою,
 Собака лаять начала.

Умилосердись надо мною!

Съ боязнью, пошептомъ бѣднякъ ее молилъ:
 Я сушки ужъ не ѣлъ, ... отъ глада умираю! —

За тѣмъ-то я и лаю,

Собака говоритъ, чтобъ ты накормленъ былъ. —
 Наружность иногда обманчива бываетъ:
 Иной какъ звѣрь, а добръ! потъ ласковъ, а кусаетъ.

Ш а р л а т а н ъ.

Однажды Шарлатанъ во весь горланилъ ротъ:

“Ступай ко мнѣ народъ!

Смотри и покупай: вотъ порошокъ чудесный!

Онъ умъ даетъ глупцамъ,

Невѣждамъ знаніе, красотокъ спарикамъ,

Старухамъ прелести, достоинства плутамъ,

Невинность преступленью;

Вотъ первый способъ къ полученью

Всѣхъ благъ, какія насъ удобны только льстишь;

Повѣрьте, говорю неложно:

Чрезъ этотъ порошокъ возможно

На свѣтѣ все доспашъ, все знашь и все творишь,

Глядите!“ — и народъ спекается толпами:

Вѣдь любопытство не порокъ!

Бѣгу и я; но чтожъ открылось передъ нами?

Въ бумажкѣ золотой песокъ.

П р о х о ж і й.

Прохожій въ монастырь зашедши на пужи

Просилъ у братій позволенья

На колокольню ихъ взойти;

Взошелъ, и сталъ хвалить различныя явленья,

Которыя ему открыла высота:

Какія, онъ вскричалъ, волшебныя мѣста!

Вдругъ вижу горы, лѣсъ, озера и долины!

Великолѣпныя картины!

Не правда ли? вопросъ онъ здѣлалъ одному
Изъ братій съ нимъ стоящихъ: —
Да, шруженикъ вздохнувъ отвѣщивалъ ему:
Для проходящихъ.

Башмакъ, мѣрка разенства.

Да что ты, долгой, возмечталъ?
Я за себя и самъ, братъ, стану:
Грудцою наскоча вскричалъ,
Какой-то карликъ великану:
Твои, мои — права одни. —
Не спорю, что равны они,
Тотъ отвѣчаетъ безъ задору;
Но мой башмакъ тебѣ не въ пору.

К н и г а.

Въ началѣ мірозданья,
Когда соборъ боговъ,
Не пребуя себѣ ни агнцевъ, ни цвѣтовъ,
Всѣхъ шварей упреждалъ желанья:
Въ то время — слухъ дошелъ преданіемъ до насъ —
Юпитеръ въ милостивый часъ
Далъ книгу человѣку,
Котора замѣнишь могла библіотеку.

Титулъ ей *разумъ* и она
Самой Минервою была сочинена,
Съ той цѣлю, чѣмъ въ ней всѣ возрасты узнали
Путь къ добродѣтели, и счастливѣе спали;
Однакожъ въ даръ помѣ небесномъ на земли
Не много прибыли нашли:

Чистая сочиненье
Младенчество одни въ немъ видѣло черты,
А юность только заблужденье;
Вѣкъ зрѣлый поздно сожалѣнье,
А старость выдрала листы.

Кокетка и Пчела.

Прелестная Лизета
Лишь только что успѣла встать
Съ постели роскоши, дойти до туалета
И дружеской совѣтъ начать
Съ повѣреннымъ всѣхъ чувствъ, желаній,
Оспрадъ, веселья и спаданій,
Съ уборнымъ зеркаломъ;— вдругъ спрашная пчела
Вокругъ Лизеты зажуужжала.

Лизета обмерла
Вскочила, закричала:
“Ахъ, ахъ! Миссъ *Женни* поскорѣй!
Параша! Дунюшка!”— Весь домъ збѣжался къ ней;
Но поздно! ни любовь, ни дружество, ни злобо
Ничто не отвратишь неумолимый рокъ!
Чудовище крылапо
Успѣло уже сѣсть на розовый ропокъ,

И Лиза въ обморокъ упала.
 Не дамъ торжествовать тебѣ надъ госпожой!
 Вскричала Дунюшка, и смѣлою рукой
 Въ минушу пчелку поймала;
 А плѣнница въ слезахъ, въ отчаяньи жужжала:
 “Клянуся флорою! хотѣла ли я зла?
 Я аленькой рошокъ за розу приняла.”
 Столь жалостная рѣчь Лизешу воскресила,
 “Дуняша! говоришь Лизеша, жаль пчелы!
 Пуссти ее, она почти не уязвила.” —
 Какъ сильно дѣйствуетъ и крошечка хвалы!

Д в а Г о л у б я .

Два голубя друзьями были,
 Издавна вмѣстѣ жили
 И кушали и пили.
 Соскучился одинъ все видѣть тожъ да тожъ,
 Задумалъ погулять и другу въ томъ открылся;
 Тому вѣсть эта острый ножъ,
 Онъ вздрогнулъ, прослезился
 И къ другу возопилъ:
 Помилуй, брашецъ! чѣмъ меня ты поразилъ?
 Легколь въ разлукѣ бышь?... тебѣ легко, жестокой!
 Я знаю; ахъ! а мнѣ, ... я съ горести глубокой
 И дня не проживу ... къ тому же разсуди,
 Такая ли пора, чѣмъ въ странствіе пускаешься?
 Хоть до Зефировъ ты голубчикъ погоди!
 Къ чему спѣшить? еще успѣемъ мы разстаться!

Теперь лишь воронъ прокричалъ,
И безъ сумнѣнія. — Спрашуся я безмѣрно —
Какойнибудь изъ птицъ напастъ онъ предвѣщалъ,
А сердце въ горести и пуще имовѣрно!

Когда разстанусь я съ побой,
То будетъ каждый день мнѣ угрожать бѣдой:
То яспребомъ лихимъ, то любыми спрѣлками;

То коршунами, то силками —
Все злое сердце мнѣ на память приведетъ.
Ахши мнѣ! я скажу вздохнувши, дождь идетъ!
Здоровъ ли-то, мой другъ? не терпится ли онъ хо-
лодъ?

Не чувствуетъ ли голодъ!

И мало ли чего не вздумаю тогда? —
Безумцамъ умна рѣчь, какъ въ ручейкѣ вода:

Журчитъ, и мимо протекаетъ. —

Затѣйникъ слушаетъ, вздыхаетъ,

А все-таки лепетъ желаетъ. —

“Нѣтъ, братецъ! такъ бытъ, сказалъ онъ, полечу:
Но вѣрь, что я тебя крушить не захочу;

Не плачь, пройдетъ дни три, и буду я съ побою
Клевать

И ворковать

Опять подъ кровлею одною;
Начну разказывать тебѣ по вечерамъ —
Вѣдь все одно да тожъ приговорится намъ —
Что видѣлъ я, гдѣ былъ, гдѣ хорошо, гдѣ худо;
Скажу: я тамъ-то былъ, такое видѣлъ чудо,
А тамъ случилось то со мной —

И ты дружочикъ мой
Наслушавъ меня, такъ свѣдуешь будешь къ лѣшю,
Какъ будто бы и самъ гулялъ по бѣлу свѣшю.

Простижъ! — При сихъ словахъ

На мѣсто всѣхъ *увы!* и *ахъ!*

Друзья взглянулись, поклевались,

Вздохнули и расстались.

Одинъ носокъ повѣся сѣлъ,
 Другой вспорхнулъ, взвился, лепишъ, лепишъ
 стрѣлою,
 И вѣрно бѣ сгоряча край свѣта залепѣлъ;
 Но вдругъ покрылось небо мглою,
 И прямо спраннику въ глаза
 Изъ тучи ливный дождь, градъ, вихрь, сказать
 вамъ словомъ,
 Со всею свитою, какъ водится гроза.
 При случаѣ такомъ опасномъ, хоть не новомъ,
 Голубчикъ поскорѣй садится на сучокъ,
 И радъ еще тому, что только лишь измокъ.
 Гроза утихнула, голубчикъ обсушился
 И въ путь опять пустился;
 Лепишъ, и видитъ сѣ высока
 Разсыпано пшено, а возлѣ голубка!
 Садится, и въ минушю
 Запутался въ сѣти; но сѣть была худа,
 Такъ онъ прошивъ ее носкомъ вооружился;
 То имъ, по ножкою пянувъ, пянувъ — пробился
 Изъ сѣти безъ вреда,
 Сѣ ушрамой перьевъ лишь, но это ли бѣда?
 Ко прибавленью страха
 Явился вдругъ соколъ и со всего размаха
 Напалъ на бѣдняка,
 Который, какъ злодѣй, опутанъ кандалами
 Тащилъ сѣ собой снурокъ сѣ обрывками силка.
 Но къ счастью путь орелъ сѣ широкими крылами
 Для встрѣчи сокола спустился сѣ облаковъ;
 И такъ благодаря спеченію воровъ,
 Нашъ пунникъ соколу въ добычу не достался;
 Однако все еще сѣ бѣдой не развязался:
 Летя отъ сокола, отъ страха или шакъ,
 Насунулся избы на уголъ какъ дуракъ,
 И вывихнулъ крыло; попомъ въ него мальчишка —
 Знашь голубиный былъ и въ томъ еще умишка —

Кирпичъ иль камешекъ лукнулъ
И такъ его зашибъ, что чуть онъ отдохнулъ.
Потомъ, ... потомъ проклявъ себя, судьбу, дорогу,
Рѣшился брестъ назадъ полмертвый, полхрамой,
И прибылъ наконецъ калекою домой,
Таща свое крыло и волочивши ногу.

О вы, коихъ богъ любви соединилъ!
Хотите ль спростововать? забудьте гордый Нилъ
И далъ ближняго ручья не разлучайтесь;
Чѣмъ любоваться вамъ? другъ другомъ восхищай-
тесь;

Пускай одинъ въ другомъ находитъ каждый часъ
Прекрасный, новый міръ, всегда разнообразный;
Бываетъ ли въ любви хоть мигъ для сердца
праздный?

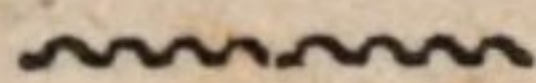
Любовь, повѣрьте мнѣ, все замѣнитъ для васъ.
Я самъ любилъ: тогда за лугъ уединенной,
Присудствіемъ моей любезной озаренной,
Я не хотѣлъ бы взять ни мраморныхъ палатъ,
Ни царства въ небесахъ! ... Придете ль вы назадъ
Минушы радостей, минушы восхищеній!
Иль буду я однимъ воспоминаньемъ жить? —
Ужель прошла пора столь милыхъ обольщеній,
И полно мнѣ любить?

Царь и два Пастуха.

Какой-то Государь прогуливаясь въ полѣ
 Раздумался объ Царской долѣ;
 Нѣтъ хуже нашего, онѣ мыслилъ, ремесла!
 Желалъ бы дѣлать то, а дѣлаешь другое:
 Я всей душой хочу, чтобъ у меня цвѣла
 Торговля; чтобъ народъ мой ликовалъ въ покоѣ,
 А принужденъ вести войну
 Чтوبъ защищать мою страну.
 Я подданныхъ люблю, свидѣтели въ томъ боги,
 А долженъ прибавлять еще на нихъ налоги;
 Хочу знать правду, всѣ мнѣ лгутъ,
 Бояра лишь чины берутъ,
 Народъ мой спонетъ, я спрадаю,
 Совѣтуюсь, пружусь, никакъ не успѣваю,
 Полсвѣта властелинъ, не веселюсь ничемъ!
 Чувствительный Монархъ подходитъ между шѣмъ
 Къ пасущейся скотинѣ;
 И что же видитъ онъ? разсыпанныхъ въ долину
 Барановъ, тощихъ до костей,
 Овечекъ безъ ягнятъ, ягнятъ безъ матерей;
 Всѣ въ страхѣ бѣгають, кружатся,
 А псамъ и нужды нѣтъ, они подъ шѣнь ложатся,
 Лишь бѣдный мечется пастухъ:
 То за бараномъ въ лѣсъ во весь онъ мчится духъ,
 То бросится къ овцѣ, которая опсала,
 То за любимымъ онъ ягненкомъ побѣжитъ,
 А между шѣмъ ужъ волкъ барана въ лѣсъ тащитъ;
 Онъ къ нимъ, а здѣсь овца волчихи жертвой стала.
 Опчаянный пастухъ рветъ волосы, реветъ,
 Бьетъ въ грудь себя и смерть зоветъ.

Вотъ точный образъ мой! сказалъ самовласти-
 тель:
 И такъ, и смирненькихъ животныхъ охранитель
 Таковымижъ, какъ и мы, напасъми окруженъ,
 И онъ какъ Царь порабощенъ!
 Я чувствую теперь какую-то опраду.
 Такъ думая, впередъ онъ путь свой продолжалъ,
 Куда? и самъ не зналъ,
 И наконецъ пришелъ къ прекраснѣйшему стаду.
 Какую разницу Монархъ увидѣлъ тутъ!
 Баранамъ щоту нѣтъ, отъ жира чуть идутъ;
 Шерсть на овцахъ какъ шелкъ и тяжестью ихъ
 клонитъ;
 Ягнятки, кто кого скорѣе перегонитъ,
 Ко мапкинымъ бѣгутъ пишательнымъ сосцамъ;
 А пасушокъ въ свирель подъ липою играетъ,
 И милую свою пасушку воспѣваетъ.
 Не сдобровать, овечки, вамъ!
 Царь мыслилъ: волкъ любви не чувствуетъ закона,
 И пасуху свирель худая оборона.
 А волкъ и подлинно откуда ни возмись,
 Во всю несется рысь;
 Но псы, которыя по стадо сторожили,
 Вскочили, бросились, и волка задавили;
 Попомъ одинъ изъ нихъ ягненокъ догналъ,
 Который далеко отъ страха забѣжалъ
 И шопъ часъ въ кучку всѣхъ по прежнему за-
 гналъ.
 Пасухъ же все поетъ, не шевелясь ни мало.
 Тогда уже въ Царѣ терпѣнія не стало:
 Возможно? онъ вскричалъ, здѣсь множество
 волковъ,
 А ты одинъ... умѣлъ сбережъ большое стадо!
 Царь! отвѣчалъ пасухъ, шупъ хитроси ненадо:
 Я выбралъ добрыхъ псовъ.

Магнитъ и Желѣзо.

Природу одолѣть, превыше нашихъ силъ:
 Смиримся же предъ ней не умспвуя ни мало.
 Зачѣмъ ты льнешь? магнитъ желѣзу говорилъ:
 Зачѣмъ влечешь меня? желѣзо отвѣчало.
 Прелестный, милый полъ! чѣмъ кончу я разказъ,
 Легко ты отгадаешь:
 Подобно такъ и ты безъ умысла прельщаешь;
 Подобно такъ и мы невольно любимъ васъ.

Конецъ первой Части.

С О Д Е Р Ж А Н І Е

П Е Р В О Й Ч А С Т И.

Лирическія Стихотворенія.

	Стран.
Къ Волгѣ. - - - -	7
Освобожденіе Москвы. - -	11
Ермакъ. - - - -	17
Смерть Князя Пошемкина. -	24
Гласъ Патриота на взятіе Варшавы.	28
Пѣснь на день Коронованія Его Императорскаго Величества Государя Императора Александра Перваго. - - - -	30
Преложеніе 49 Псалма. - -	33
Гимнъ Богу. - - - -	35

С м ѣ с ъ.

Чужой полкъ. - - - -	39
Сокращенный переводъ Ювеналовой Сатиры о Благородствѣ. -	45
Примѣчанія къ Ювеналовой Сатирѣ.	53
Посланіе Англичскаго Стихотворца Попа къ Доктору Арбушноу.	55
Къ Графу Николаю Пешровичу Румян- цову. - - - -	71

С о д е р ж а н і е

Н а д п и с и.

	Стран.
Къ портрету Ивана Ивановича Шувалова. - - - -	73
----- Князя Италійскаго.	—
Къ его же портрету. - - -	—
Къ бронзовой статуѣ Фельдмаршала Графа Румянцова-Задунайскаго, поставленной Графомъ Заводовскимъ, въ его деревнѣ. - - -	74
Къ памятнику мореходца Шелехова.	—

Б а с н и.

Дубъ и Трость. - - -	77
Пѣпухъ, Комъ и Мышенокъ. - - -	79
Змѣя и Піявица. - - -	80
Ласточка и Ппички. - - -	—
Два друга. - - -	82
Летучая рыба. - - -	83
Мышь, удалившаяся отъ свѣта. - - -	84
Чижъ и Зяблица. - - -	86
Оселъ, Обезьяна и Крошъ. - - -	87
Старикъ и шрое Молодыхъ. - - -	88
Жаворонокъ съ дѣтьми и Земледѣлецъ. - - -	89
Испуканъ и Лиса - - -	92
Совѣсть. - - -	—
Орелъ, Кишъ, ужъ и Устрица. - - -	93
Дряхлая Староснь. - - -	94
Придворный и Прошей. - - -	95
Молишвы. - - -	96

первой Части.

	Стран:
Нищій и Собака. - - -	97
Шарлапанъ. - - -	98
Прохожій. - - -	—
Башмакъ, мѣрка равенства. - - -	99
Книга. - - -	—
Кокешка и Пчела. - - -	100
Два Голубя. - - -	101
Царь и два Пастуха. - - -	105
Магнитъ и Желѣзо. - - -	107

Chapter

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

14

15

16

17

18

19

20

21

22

23

24

25

26

27

28

29

30

31

32

33

34

35

36

37

38

39

40

41

42

43

44

45

Dmitriev, Ivan I.,

Sočinenija i perevody

Bd.: 1 (1803)

Moskva 1803

P.o.russ. 144 d-1/3

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10610235-6